

· М И Х А И Л ·
ЖВАНЕЦКИЙ
— ОДЕССКИЙ ПАРОХОД —

Михаил Михайлович Жванецкий

Одесский пароход

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51698523

Одесский пароход:

ISBN 978-5-04-110572-3

Аннотация

Михаил Михайлович Жванецкий родился и вырос в солнечной Одессе, и каждый год он проводит в своем родном городе несколько месяцев.

Теплом и светом Одессы автор щедро делится с нами. В этом сборнике его незабываемые «Авас», «В Греческом зале», «Одесский пароход», «Собрание на ликеро-водочном заводе», «Свадьба на сто семьдесят человек», «Консерватория», «Нормально, Григорий! Отлично, Константин!» и еще много широко известных произведений.

Он гений, феномен, создатель не имеющего аналогов ни в литературе, ни на сцене жанра – «Жванецкий».

Существует мнение, что Жванецкий – своеобразный поэт. Да, он не пишет стихов, ни в рифму, ни белых. Но тем не менее он – поэт!

Все, что он пишет, льется из глубины его души как сплошной лирический монолог. Степень откровенности предельная, как у настоящих поэтов.

В его вещах слышна его интонация. Как у большинства поэтов – единственная, искренняя.

Да, он светлый поэт, в его стихах нет безысходности, они полны надежды и жизни, полны солнца.

Содержание

От автора	7
Действительно	9
Шестидесятые	30
Молчание – золото!	32
Личный опыт	34
Разговор по поводу	37
Полезные советы	39
Время больших перемещений	41
Помолодеть	43
Спасибо вам всем, спасибо!	47
Скромность	50
Вечерний разговор	53
Подопытный	55
Вся наша жизнь – спорт	57
Феня, моя жена	58
Авас	62
Спокойно, товарищи	68
Снизим растущие потребности!	69
Диета	72
Грипп	74
Мальчики, схватимся и побежим[1]	76
Подруги	78
Одинокий	81

Поменьше юмору, граждане!	83
Склероз	87
Вперед	88
Не пойму, что с людьми происходит	90
День, полный жизни	93
Не надо было	96
Только приятное	97
Молчание вслух	101
Хочу быть физиком	108
Физкультурно одаренный	111
Конец ознакомительного фрагмента.	112

**Михаил Михайлович
Жванецкий
Одесский пароход**

© М. Жванецкий, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

От автора

Я не собирался быть писателем и, видимо, им не стал. Правда, в молодости была какая-то веселость, привычка к смеху вокруг себя.

Мы смеемся вместе. Вы смешите меня, потом этим же я смею вас. Приятно, что мои рассказы стали привлекать публику, для чего большое значение имеет интонация. Мы так и жили все эти годы: говорили одно, думали другое, пели третье. Опровергали слова жестом, придавали другой смысл интонацией, и самому хотелось уцелеть и сохранить сказанное.

Три-четыре раза что-то печатали, но после публикации компания как-то рассыпалась.

А еще, говорят, это нельзя читать глазами. А чем? Мне нетрудно было читать вслух, и я ушел на сцену. Нашел свой школьный легкий портфель, набил руку, появилось актерское мастерство. Начал подмигивать и ругаться, если кто-то что-то не понимал: ну и публика сегодня. По рукам пошли записи. «Эх, – вздыхало начальство, – вы способный человек, но эти пленки...» А что мне с пленками – издавайте.

Я пытался расставить написанное последовательно или по темам. Чем можно связать разрозненное? Своей жизнью. Концовку додумаете сами.

А я, разбив написанное на несколько глав, приглашаю вас

к чтению. Если будет трудно читать, мой голос поможет вам, как вы помогали мне все мои трудные годы.

Действительно

Действительно. Данные потрясают своей безжалостностью. Тридцать пять років творческой, тридцать пять років производственной деятельности и где-то шестьдесят общей жизни с ее цветными и бесцветными страницами. Как же прошли эти двадцать пять, если считать с 88-го, и тридцать пять, если с 54-го года.

Позвольте перейти к общим рассуждениям. Хочется сказать: в наших биографиях отразилась биография всей страны, годы застоя были для нас годами расцвета, то есть годы нашего расцвета пришились как раз на годы застоя.

В голове фраза: «Раньше подполье было в застолье, потом застолье в подполье».

Я сам, будучи большим противником дат, юбилеев, годовщин, паспортов, удостоверений и фотографий, никак не желаю подводить итоги, ибо после этого как-то неудобно жить дальше.

Познакомились мы с Ильченко где-то в 54-м году. Я их всех постарше буду. У нас, значит, так: Роман поярче на сцене, Виктор – в жизни, я весь в мечтаниях, поэтому меня надувает каждый, на что я непрерывно жалуясь через монологи и миниатюры.

То, что творится на сцене, вам видно самим, поэтому про Ильченко. То есть человек, перегруженный массой разно-

образных знаний. Там есть и как зажарить, и как проехать, и как сесть в тумане, и куски из немецкой литературы, какие-то обрывки римского права. Плохо, что эти знания никому не нужны, и даже женщины любят нас за другое, а напрасно. Мне нравятся в Ильченко большая решительность, безапелляционность, жажда действовать, что безумно завораживает тех, кто его не знает.

Приехал он в Одессу чуть ли не из Борисоглебска, аристократически прельщенный шумом и запахом морской волны. Я сидел в Одессе, тоже прельщенный этим, и мы сошлись. Извините, у меня все время в голове фраза: «Партия вам не проходной двор...» Секундочку...

Так вот, с детства мы трое мечтали связать свою жизнь с морем и связывались с ним неоднократно, но мечту осуществим, видимо, сразу после жизни.

Роман знает значительно меньше, но все применяет, я знаю мало, но применяю больше. А Ильченко свои знания никогда применить не может, поэтому тащит их за собой и пугает ими одиноких женщин. Тем не менее сколько написано по его идеям и хорошего, и плохого, сколько неудачных миниатюр создано по его замыслам. Нельзя также не отметить облагораживающую роль его фамилии в нашей тройке.

Представляете: Кац, Жванецкий и Ильченко! Расцветает снизу вверх. Извините, эта фраза: «Партия вам не проходной двор, товарищи! Закройте дверь, мы закончили разговор!.. Что у вас там?..»

Мы с Ильченко познакомились где-то в 54-м году в Одессе, а с Карцевым сошлись где-то в 1960 году. И конечно, конечно, наша жизнь всю жизнь была связана с Ленинградом. Без лести скажу, здесь как нигде публика чувствует талант, и так же безошибочно его чуяло начальство.

Как появились мы в 58-м году на этой сцене, так перманентно и продолжаем и до сих пор. Как тяжело даются слова: «тридцать лет тому назад». И хотя эту молодость не назовешь счастливой, но что нам был дождь, что снег, что проспект Metallистов, когда у нас впереди была репетиция с Райкиным.

В 60-м Райкин приехал в Одессу, мы ему опять показали себя, и я видел, как на сцене тронулся Кац, как он сошел с ума, что-то с ним стряслось: остановившийся взгляд, сумасшедший вид.

– Что с тобой? – спросил я заботливо-завистливо, как всегда.

– Астахов передал, что Райкин передал: завтра прийти в санаторий Чкалова в одиннадцать утра.

Для человека, с трех раз не попавшего в низшее цирковое, для человека, шесть раз посылавшего свои фото в обнаженном виде в разные цирки страны с оплаченным отказом, это перенести было невозможно. И он сошел с ума.

Райкин добил его, дав ему арбуз и отпечатанное в типографии заявление: «Прошу принять меня на работу...» Осталась только подпись, которую не было сил поставить.

На первом этаже дома по улице Ласточкина был дан ужин в честь великого и народного артиста РСФСР Райкина. Наша самодеятельность прикинула к окнам, Ромын батька, футболист и партизан Аншель Кац, разносил рыбу и разливал коньяк. Мать двоих детей Каца сыпала в бульон мондалах, сосед по коммуне, районный прокурор Козуб, в коридор от ненависти не выходил, ибо опять они здесь что-то затевают.

Райкин был нечеловечески красив – это он умел. Песочные брюки, кофейный пиджак, платочек и сорочка – тонкий довоенный шелк, и это при таком успехе, и это при такой славе, и это у Каца дома, и это вынести было невозможно, и мы молча пошли на бульвар и молча пошли на работу. Особенно я. Я тогда работал сменным механиком по портовым кранам и уже получал сто пять рублей.

В голове вертится фраза:

– Почем клубника?

– Уже шесть.

– Простите, вчера была пять.

– Я же говорю, уже шесть.

Первым сошел с ума Кац, вторым я. Я стал получать его письма в стиле апреля 1960 года и с тем же правописанием.

«И тогда сказал Аркадий Исаакович: «Сейчас мы едем прописываться», – и мы сели в большую черную машину, не знаю, как она называется, и поехали в управление, и он сказал: «Посиди», и он зашел к генералу, а я совсем немного посидел, и он вышел и сказал: «Все в порядке», – и мы поехали

обратно, и нас все узнавали, и мы ехали такие счастливые».

Как мне было хорошо читать эти письма, сидя на куче угля, прячась от начальства, и только один раз пришло письмо вдвое толще, в том же библейском стиле:

«И тогда он сказал мне: «Завтра у нас шефский концерт, может, ты попробуешь что-нибудь свое?» И я прочел твой монолог, и его хорошо принимали, и он сказал: «Мы включим тебя с этим монологом в избранное». Я посылаю тебе программку, посмотри там в глубине».

И только тут я заметил, что держу во второй или в третьей руке программу, развернул – и сошел с ума...

Что мне было делать на той куче угля, и каким же я был, если б сказал своему начальнику Пупенко: «Смотрите, вот программа Райкина, а вот моя фамилия». И я полез в трюм, где сломалась выгребальная машина С-153, что выгребает уголь на просвет под грейфер, и только слеза на пыльной щеке – благодарность себе, судьбе, Кац-Карцеву-Кацу и сказочному стечению обстоятельств.

Как все евреи тянут друг друга, так Кац потащил за собой Ильченко, который к тому времени уже что-то возглавлял в пароходстве и уже приобрел первые навыки в демагогии и безапелляционности. Если б мы его не показали Райкину, он был бы замминистра или зампредоблсовпроса или предзамтурбюро «Карпаты» з пайкамы, з персональной черной, з храпящим шофером в сдвинутом на глаза кепаре, він кожний рік відпочивав бы в санатории ЦК «Лаванда» у «люксе»

з бабою, з дитямы, гуляв по вечерам до моря, по субботам напивавсь у компанії таких же дундуков, об'єдинених тайним знанням, що эта система ни к херам не годится, и в любом состоянии решал бы вопросы з населением. Находясь з ним в крайней вражде.

«Понаехали тут деревья защищать отовсюду, з Турции, з Израиля. Я им говорю: «Та хто ж те деревья хотел рубать?» Поналетели защищать чи евреи, чи не евреи, мне все равно. Я им: «Та хто ж их хотел рубать те деревья, ну производим плановое прореживание бульвара, упорядочиваем вид з моря, з моря тоже ж кто-то смотрит на город...» Поналиталы. Демократия. Вона, выпустили на свою голову джинна».

Так вот Ильченко волевым решением поменял счастливую судьбу зампрединистра решающего на жизнь артиста воплощающего, постепенно втянулся, наладил связи, и теперь его не застанешь и не найдешь, и только за городом слышен его мощный голос: «Работать надо, товарищи, ищите автота, перебирайте литературу. С декабря начнем репетировать июльскую программу, усмешняйте, расставляйте акценты. Афористичнее, товарищи!»

В обстановке счастливо складывающихся человеческих судеб я не мог тихо сидеть на угле (как говорила англичанка: «У нас полиция на угле», я спросил: «Неужели так допотопно?», потом оказалось – на угле, это я на угле) и, по огромному собственному желанию уволившись, стартовал из одесского порта в Ленинград, где в 1964 году стал счастливым и

присоединился к своим двум дружкам.

Первый гонорар получил сразу в 1967 году, а до этого три года Роман залезал под кровать и там, в темноте, в чемодане отсчитывал мне на питание десять рублей. Мама вся в слезах слала три рубля в письме-конверте.

Пешком через мост в Кунсткамеру обедать, комплексно за пятьдесят копеек, и, чтоб я света белого не видел, у меня не было еще четырех копеек на троллейбус, отчего был сухим, мускулистым и смелым, как все, у кого ничего нет.

Друг и соавтор Лозовский, с которым я прибыл в Ленинград занять место в высшем свете, неожиданно проиграл свои деньги в преферанс и сошелся с попом, жарил ему яичницу, пил с ним водку и отказывался зарабатывать каким-либо трудом, кроме литературного. А когда я услышал, как он весело проводит время за шкафом, а я мучаюсь в святых поисках слова, я ему выдал справку: «Разрешены все виды деятельности, кроме умственной» и отправил в Одессу, где он снова стал талантливым конструктором, о чем до сих пор вспоминает в Израиле.

А я переехал к артистам-миниатюристам на проспект Металлистов, хотя слово «переехал» сюда не подходит. Вещей не было.

Ильченко под свою фамилию и дворянское прошлое одолжил у Руфи Марковны Райкиной (Ромы) тридцать рублей, но потерял их по дороге и задумчиво наблюдал, как я размещаюсь. Потом наступил его телефонный разговор с Одессой,

с женой:

– Таня, ты деньги получила?

– Когда ты выслал?

– Нет, я спрашиваю: ты на работе деньги получила? Вышли мне.

Это были счастливые дни нашей жизни на проспекте Металлистов за кинотеатром «Титан», или «Гигант», или «Великан». Девочка Летуновская подарила нам чайник. Хозяйка по-ленинградски пила вмертвую. То есть начинала со скандала: «Где щетка? Я не вижу кастрюли...» – находила шкалик и засыпала.

В 1966 году, после двух лет моего пребывания в Ленинграде без копейки и работы, А. И. Р. сказал, что в спектакле Музы Павловой они будут делать мое отделение. Оценив это обещание, я пытался уехать. Мне посоветовали поговорить с Руфью Марковной, и в 1967-м я получил свой первый гонорар в пятьсот рублей, номер в гостинице «Астория», стол в ресторане и премьеру «Светофора» в ноябре. Я стал знатен и богат, что немедленно сказалось на характере.

А!.. Эти одинокие выступления... эти попытки репетировать что-то с друзьями. Эти попытки что-то доказать. И первая публика. И первый успех. И с поцелуями и любовными клятвами был уволен из театра в 1969 году навсегда! Как сказал А. И. Р.: «Отрезанный ломоть!» Все, эпизод снят!

Рома с Витей уволились тоже. Вот тут прошу запомнить – их никто не увольнял, наоборот, их пытались удержать всеми

методами. Витя напечатал заявление на машинке, чем привел шефа в ярость.

В голове вертится фраза: «Партия вам не проходной двор! На каком основании вы сочли возможным прорваться на трибуну высшего военно-политического, ордена Боевого Красного Знамени, общевойскового, ордена «Знак Почета» Ленинградского государственного мюзик-холла?!!»

В 1970-м мы стартовали. Второй раз за жизнь. Вернулись в Одессу, где тоже не были нам рады, но нам здорово помогла холера 1970 года. Из всех холер самая прогрессивная. Режиссер Левитин, гремя жостью, уехал с криком «Жду в Москве!», секретарь обкома Лидия Всеволодовна Гладкая переменялась в лице – я ее догнал на улице:

– Спектакль не принят?

– Принят, принят, играйте что хотите.

Такую свободу и изобилие я видел только в день смерти Леонида Ильича, когда была оцеплена Москва и продавцы зазывали в магазины. И в районе радиации. То есть жизнь показывала, что есть несчастья большие, чем плановое хозяйство, и мы повеселились!

Обсервация на т/х «Таджикистан», полные бары подозреваемых в скорой смерти, музыка и лучшее, что есть в глуши, – беспорядочные связи (зачеркнуто), знакомства (зачеркнуто), дружба (зачеркнуто), любовь (зачеркнуто), контакты (зачеркнуто), счастье (зачеркнуто).

Первый выезд в Ростовскую область. Первые гастроли.

Автобус Фурцевой – фурцевоз, село Жирновка.

– Эй!

– Чего?

– Артисты приехали.

– Какие еще артисты, елкин дуб?

– Да вот эти, что на афише...

– А, эти? Так у нас не захотели, езжайте в Белую Калитву, может, там захотят.

Так мы ехали по деревням – и никого. Не захотели! Но мы в Ростове перед отъездом записали на телевидении «Авас», вернулись в Ростов – директор филармонии подозрительно смотрит, еще просит остаться. Стулья ставят. Из обкома звонят.

Аншлаг!

Отныне мы влюбились в это слово, в это состояние. Пусть говорит кто хочет, пусть неполноценно хнычут о массовом, не массовом – если ты вышел на сцену и произносишь монолог, постарайся, чтоб в зале кто-то был. Даже политиков это тревожит, а уж театр обязан иметь успех.

Раб начинает так: «Они виноваты в том, что я...» Свободный: «Я виноват, в том, что я...» Кровью, потом и слезами полита дорога к аншлагу, и стоит он, недолгий, на крови, поте. Да здравствует наша страна – покровительница всех муз. Да здравствует партия – покровительница страны, покровительница всех муз.

– Товарищи, товарищи, здесь режимная зона... Мало ли

что... Мало ли что... Прошу... Прошу...

– Михаил, о чем мне писать, как вы думаете? Я хочу узнать, что сейчас волнует молодежь, я изучаю их жаргон, я специально хожу на рок-группы. Я узнаю, что их волнует, я напишу об этом.

– Пиши, может, и тебе передастся.

Из Ростова, после успеха, слишком хорошо отдохнувшие, прямо попадаем на конкурс артистов эстрады, подтверждая железное правило, что невыспавшемуся, безразличному, наплевавшему на все – везет. Разделяем первое и второе места с Кокориным, которого сейчас заслуженно никто не знает, потому что не надо письма Ленина с эстрады читать, мы до сих пор в них разобраться не можем. Отныне участвуем в идиотской конкуренции. С одной стороны – герои и лауреаты, которых никто не знает, с другой стороны – беспородные, которых знают все. Вернулись на ридну Украину в Киев. Я был персонально приглашен к директору Укрконцерта.

– Товарищ Жиманецкий! Крайне рад за вас. Значит, чтоб вам было ясно, сразу скажу: такое бывает раз в жизни. Сейчас это у вас будет.

– Конкурс, что ли?

– Та нет. Мы ж не дети. Кому той конкурс здався... Щас я вам скажу. Петр Ефимович Шелест лично вычеркнули из правительственного концерта Тимошенко и Березина и лично вписали вас. Я вижу, вы плохо представляете, что это значит... Это значит: мы з вами берем карту города Киева. Вы,

писатель Жиманецкий и ваши подопечные Карченко и Ильцев, ткнете мне пальцем в любое место карты, и там будет у вас квартира. Такое бывает раз в жизни.

А мы поехали в Одессу, где посторонние люди нам меняли концовки, где заменяли середину, где вычеркивали и вычеркивали, и снова ехали в Киев, умоляли не трогать. А зампред Одессы по культуре Черкасский говорил:

«А я министру говорю, что ж ты все режешь, чем ты хвалишься. В Херсон поехал, снял программу, в Одессе запретил, во Львове срезал, где ты хоть что-нибудь разрешил, скажи. Счас мы з вами зайдем. Вы увидите, какой это жлоб».

Секретарь обкома Козырь: «Что такое, что вы бьетесь, какие проблемы? Записываю целево максимально для исполнения, лично держу на контроле. У нас сейчас горячая пора, орден должны области давать. Мы все света белого не видим. Так что после пятнадцатого лично займусь. Не надо меня искать, сам найду».

Он искал нас несколько лет.

Одно знаю точно: не просите начальника о поддержке. Конкретно: нужны столбы, провода, гвозди... Пусть он обещает «создать атмосферу», «усилить влияние» – но вы-то не дурак.

Мы помним точно: никогда при подаче заявления об увольнении нам не сказали: «Оставайтесь», и мы стартовали третий раз. В Москву, в Москву...

Москва известна тем, что там можно потеряться. В Ле-

нинграде и Одессе ты никуда не денешься. И если в Москве ты ходишь по проволоке, то на Украине по острию ножа. Откуда там собралось столько правоверных? Что они для себя выбирают? Что такое антисоветчина, что такое советчина? Поставь палку – здесь будет советчина, здесь антисоветчина, передвинь палку – уже здесь советчина, здесь антисоветчина. И кто кричит «антисоветчина»? Воны. 3 пайками та машинами. Для нормального зрителя – правда или неправда. Он ни разу не сказал «антисоветчина», это говорили только там, на коврах в кабинетах. Что же они защищают?

В голове вертится: «Сила партии в каждом из нас». «Да здравствует Советская власть – покровительница влюбленных, защитница обездоленных, кормящая с руки сирот и алкоголиков». «Как в капле отражается солнце, так в каждом из нас...»

«Прошу, товарищи, высказываться. Действительно ли это юмор, как утверждают авторы, или мы имеем дело с чем-то другим? Прошу, Степан Васильевич, начинай...»

Москва. Разгул застоя.

«Марья Ивановна, приезжайте ко мне домой, тут один одессит читает, это очень смешно, и Федора Григорьевича берите обязательно...»

Или: «Сейчас, Михаил, секундочку, чуть пива. Добавим пар, сразу хлебом пахнет, эвкалиптика. Давай, Михаил, читай...»

У него аж портфель запотел.

– Товарищи, я извиняюсь, управделами здесь? Мне срочно подписать...

– Вы что, с ума сошли, в костюме, в пальто в парную...

– Я извиняюсь, я в таком белье... жена где-то купила...

– Все снимайте и лезьте вон туда на полку, берите бумагу свою и ручку, он там голый. Степан Григорьевич, к вам тут срочно.

– Ох, ах, ух... Пусть войдет, житья нет.

Эх, застой, ух, застой! Веничком спину давай! По пяточкам. Ух, застой – о – о – горячо! Ух, профессор!

Или: «Степан Григорьевич привел юмориста. Он в обед почитает. У меня виски-тоник. Кабинет на замок – читай». Эх, референты – короли застоя. Какая разница между министром и референтом? Никакой, только министр об этом не знает.

Съезд партии... Сюда помещаем группу скандирования. Она работает, в это время армия, пионеры, в одиннадцать ноль-ноль передовики производства, Пахмутова и обед... После перерыва звеньевая колхоза «Рассвет», две перспективы, одно критическое замечание, две здравицы и пошел ветеран. Затем два воспоминания, один эпизод с первым на фронте, одна поддержка молодежи, связь поколений, здравица и плавно молодой солдат. Опять связь поколений, благодарность командирам, боевая подготовка, слава партии – перерыв...

– Не забудь скандирование по десять человек через четы-

ре ряда.

– А ну, профсоюз, скажи.

– А чего, за родину нашу, за нашу заботливую мать!

– Верно, профсоюз, сначала ты о ней заботься, потом она о тебе. Верно заметил, профсоюз, глаз острый.

– А как же Леонид Иванович, ему рабочие интересы защищать.

– От кого их защищать в рабочем государстве?

– Не, не, Леонид Иванович, хватает еще бюрократов.

– Ну, бить бюрократов – святое дело, говори ты, комсомол.

– Мы за вас, Леонид Иванович, за ваш ум и мудрость, за волю и целеустремленность, за радость победы, которую только под вашим руководством и чувствуешь.

– Bravo, bravo, точно...

– Садись, комсомол, ну, партия, что, партия?

– Поднимаем страну, Леонид Иванович, укрепляем наши ряды. За всех присутствующих!

– Давай, армия.

Шепот:

– Леонид Иванович...

– Не-не... Искусство потом, искусство нас посмешит, верно, искусство?

Артисты:

– Верно, Леонид Иванович.

– Володя!

Володя:

– Слушаю, Леонид Иванович!

– Скажешь этой новенькой, чтоб осталась с Федоровым.

– Где, здесь?

– Ты что. Мы ж ей дали квартиру.

– Ясно, а если упрется?

– Не упрется, я с ней беседовал. Милиция здесь?

– Здесь, Леонид Иванович.

– Скажи, милиция, как ты нас бережешь? Что моя Мария жалуется, где наша Муська рыжая?

– Задание дано, полковник с уполномоченными прочесывают окрестности, соседи оповещены. Муська найдется.

– Найди, найди мне ее, ласковая она, жена любит, мурлычет приятно. За что пьем?

– Милиция всегда за порядок и спокойствие.

– Ну, давай, искусство, хватит наворачивать.

– Час расплаты настал?

– Давай, давай, выдай чего-нибудь, искусство.

– Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве.

– А-ха-ха! А ну еще раз.

– Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве.

– Владимир, завтра мне перепишешь, я в Совмине скажу.

Ну, за сказанное.

Да, разгул расцвета застоя и разгула застолия. Не работали мы как обычно, но гуляли чрезвычайно. Как никогда не работали, как никогда гуляли. Как обычно – говорил один, и

ему вторил второй. Веселье лилось, анекдоты давали второй и третий урожай. А то, что мы выедали, объедали, распро-
давали страну, мы не знали. Да и что мы там распродавали?
Наружу мы не показывались, мы бушевали внутри.

– Не надо ждать вечера, вы в обед ему сыграйте.

– Кому?

– Начальнику. А пусть подавится. А пусть подавится. Пре-
красная мысль. Чего ждать праздника?

– Мы хотели для коллектива.

– Значит, так, здесь Москва, да? Вы на десяти стадионах
будете танцевать, ничего не будет, ему понравится – все! Ни-
каких отказов. Я ему сказал. Они с замом ждут. Виски, си-
гареты, закусочка, все туда несут из спецбуфета.

– Ты начнешь.

– У нас программа.

– Он начнет. Хватит ваших лиц в таком количестве. Он
уже бурчал: «Кто над нами смеется? Люди какой националь-
ности?» Ему это интересно.

– Так, может, не надо...

– Он-то ничего, другие еще хуже, там будет еще один из
ЦК.

– Может, не надо?

– Этому нужно играть после второго стакана. Хохочет, все
понимает... Ничего. Все!.. Вы здесь сидите. Я приглашу.

– Федор Иванович, они здесь. Это очень смешно, честное
пионерское.

– Что он просит?

– Телефон.

– Там кабелировано?

– Соседний дом имеет. Поставим воздушку временно.

– Дай схему кабелирования... Ладно. Зови.

– Прошу к столу. Сюда, в комнату отдыха. Ребята, входите. Ждите. Я дам сигнал. *(Исчезает. Тишина. Он появляется.)* Еще минутку. *(Шепотом.)* Сейчас он по второй. *(Исчезает.)* Входи.

(Все входят в комнату отдыха. Вскоре оттуда слышен концерт для троих в полной тишине, появляется Федор Иванович с референтом.)

Референт. Ну они просят отдельный. Без блокиратора.

Федор Иванович. Не тянут. Петрович вообще не улыбнулся, я там раза два. Не, не тянут.

Референт. Ну я прошу, ну еще 15 минут.

(Возвращаются. Концерт, смех. Все выходят.)

Федор Иванович. Давай письмо. Отдельный... Молодцы, последняя шутка вполне. Я в слезах сидел – молодцы...

Ух, застой. Наш застой. Видишь, ходьба по дну никого не испугала. А застой... привел к перевороту. Все можем себе простить, но не отставание в физической силе. Очень греет сознание: «Ничего, пусть только полезут, так хряпнем по мозгам. О! Что там эта маленькая вякает, так хряпнем. Чего там наши чикаются, надо так хряпнуть. Здесь недоедаем, но там чтоб все было. Ох, красивые танки. Ну, крейсера, загля-

дение. ППШ – лучший в мире. Секрет МИГа до сих пор не могут разгадать.

Что Афганистан?! Правильно сделали, они ж на нефти сидят и ничего не понимают. Как же туда не войти. Наша Чехословакия. Наша Венгрия. Никому не отдадим. Мы не войдем – немцы войдут. Все равно кто-то войдет. Так лучше мы. Ансамбль песни и пляски на Кубе. Как блокаду Кубы объявили, так мы оттуда все аккордеоны вывезли и ансамбль убрали».

Да, карьера. Те, кто идет вверх, дойдя до конца верха, вширь ползут, и получается агрессия. Та же карьера, только вширь. А мы поддерживали, а нам чего: может, оттуда изюм привезут, а оттуда курей. Объедем – дальше поползем.

Если считать, что нижние воруют, а верхние делают карьеру, то это то самое, что нужно для мирового сообщества, тут мы и как раз. Интересы верхов и низов полностью совпадают, верхние дошли до верха и пошли вширь, а нижние идут сзади, и стягивают, и грызут, и объедают.

Саранча, или мыши, или тараканы, и никто не виноват. Все заняты делом. Эти командуют, эти что-то отпиливают.

Ох, застой! Тем и хорош был, или есть, что интересы верхов и низов полностью совпадали. Интеллигенция верещала, не печатали ихние романы или, черт его знает, пробирок не давали. Самыми смешными были эти очкастые в разгульном блатном лагере. Верещали, протестовали, жалко шептали: не воруй, не убий, не пожелай ближнюю свою. И правильно их в лагерь и психушки. Помешать они не могли, но настроение

портили. В общем, отправили их подальше. Конечно, жить хуже стало, вернее, не хуже, а иначе. Ну то есть лечить некому, чертить некому. Ну и что? Это ерунда. Дети мрут, люди мрут, ну и что? Гулял, гулял и помер.

Для лечения верхов из Японии врача вызовем, а низы и сами долго жить не хотят. Сами убедились, что это лишнее. Глупо тянуть. Самому противно, окружающие ненавидят. Ты еще только болеешь, а уже очередь на твою квартиру выстроилась. В общем, невзирая на внешнюю вражду, трогательное единение верхов и низов. Низы понимают, что верх должен жить во дворце, верх понимает, что низ должен воровать. Эх, застой, Божья благодать. Рай для вороватых, пробивных. А для предателей самое время.

Правду не говорил никто! Ну то есть кто-то говорил, но где? Интеллигенция шла на смерть небольшой кучкой у кинотеатра: «Уведите войска из Чехословакии, из Венгрии». Уведите, да. Начальники за войска, народ за войска, а эти против. Сейчас уведем, разбежались. Никто не был маразматиком. Все совпало. Воры сверху и воры снизу, они сошлись, и как ты их удержишь?

«А в Венгрии, представляешь, – рассказывает капитан, – продвигаются мои танки. По такой узкой улице брызговики штукатурку сбивают, а венгры что придумали, представляешь, – портрет Ленина посреди улицы, думали, не наеду, а я и не наехал. Я объехал. Понял, да? И вся улица поняла. Не надо так с нами поступать! Не надо!»

Объезжали – давили, прямо – давили. И остановились на раздавленном. Началась перестройка.

Шестидесятые

Я человек суеверный: не подвожусь итогов, не завожусь архивов, не ставлю дат на сочинениях. Интерес к личной жизни деятелей искусств нам чужд, хотя там самое интересное, а моя автобиография для предъявления в разные организации, как бы я ее ни растягивал, уместается на одной странице.

Да! Родился в Одессе, где-то в 34-м. Что-то вспоминается очень солнечное, пляжное, заполненное женщинами маминого возраста. Пока не грохнула война. Дальше – поезд, лопухи, Средняя Азия, школа, Победа, возвращение в Одессу, Институт инженеров морского флота, где и застал нас 53-й год. Ренессанс! Бурный рост художественной самодеятельности. В Москве – студия «Наш дом», в Ленинграде – «Весна в ЛЭТИ», в Одессе – «Парнас-2» (в отличие от древнегреческого номер 1).

В наш институт на вечера – как в «Ленком» в Москве: давка, слезы. Мы с Виктором Ильченко играем миниатюры. Ведем концерты. По поручению комсомола я начал писать. После страшного раздолба начал писать смешно, вернее, не смешно, смешно я никогда не писал, а грустно, что и вызывало смех.

Смех слышал с удивлением, и чем я меньше понимал, от чего смеются, тем громче они это делали. Открылся городской студенческий клуб. Театр «Парнас-2» процветал.

Я уже окончил институт, работал в порту сменным механиком, чтоб легче было репетировать. Восемь лет погрузки-выгрузки, разъездов на автопогрузчике, сидения в пароходу, в трюме, в угле, когда видны только глаза и зубы. Там я мужал.

Молчание – золото!

Для Р. Карцева

Шшш!.. Шшш!.. Тише! О таких вещах только между нами. Я – тебе, ты – мне, и разбежались! Не дай бог! Что вы?! Жизнь одна, и прожить ее надо так, чтобы не было больно... И все! Все разговоры, замечания только среди своих – папе, маме, дяде, тете. И все! И разбежались. А вы на всю улицу. Что вы?! Осторожнее! Десять тысяч человек, и все прислушиваются. Вы их знаете? А кто за углом?.. Ну не можете молчать, вас распирает – возьмите одного-двух, заведите домой... Окна заложите ватой – и всю правду шепотом! Недостатков много, а здоровье одно. Недостатки исправишь...

А так сидим, молчим. Ничего не видели, не слышали. Глухонемые. Мычим. И все! Кто к глухонемому пристанет?! Что вы!.. Молчание – золото. Читали, в Гостином дворе золото нашли – шесть кирпичей.

Они растрезвонили – шесть кирпичей! Ур-р-ра! Шесть кирпичей! Землекопы, некультурные люди! Ну и сразу пришли и забрали! Что, им дали хоть один кирпич?! Абсурд! Они теперь ходят за зарплатой, локти кусают. Ну а если бы они не сказали?.. Я понимаю, но допустим. Ну нашли. Ну чего кричать? Молчание – золото! Шесть кирпичей. Пять закопал, один на расходы. Кусочек отпилил – и в Сухуми на

пляж. У всех зима, а вы загораете. Всем зубы золотые вставил – себе, жене, теще, детям. Младшему полтора года – он уже в золотых зубах. Что, некрасиво? Красиво! Улыбнуться нельзя – арестуют! И нечего улыбаться. Нечего рот раскрывать! Дома радиаторы золотые – сверху глиной обмазаны. Что, плохо греют? Согреют. Это же золото! Сын в институт попасть не может – полный идиот. Декану полкирпича – сын академик, золотая голова! Дочка – корова, еле ходит. Полкирпича в зубы – прима-балерина в Большом! И в результате все устроены и три кирпича на черный день. Только тихо! Никаких собраний. Никаких обедов, никаких праздников. Окна закрыты ставнями, из дома не выходить! Круглосуточные дежурства. Кушать только ночью под одеялом! Вот это жизнь! И – тс-с! Молчание – золото!

Личный опыт

Для Р. Карцева

Ничто так не приободряет человека, как личный опыт... Билеты у спекулянта взял в кино. Оказалось, на вчера, в другом городе и не в кино, а куда-то в планетарий. Черт с ним. Но опыт приобрел. Теперь дудки меня объедешь... Теперь билеты – намертво! Пока сам не обожжешься, никто тебе не докажет.

Копил на машину. Предупреждали! Ничего, купил. Подержанную. Всего пятьсот тысяч прошла, прогрохала. Доехал домой, а из дому – ни колесом. Ни гудком! Даже дверцу не откроешь. Что с ней ни делал – не идет, стерва! Все, что накопил, в нее вбухал и продать не могу... Вдряпался, конечно. Но опыт приобрел. Теперь на машину веревкой не затянешь. Даже разговоров избегаю.

Все самому надо испытать. Только на себе. Ничто так не убеждает, как собственный затылок. Говорили, готовый бери. А я сшил... Портной как летчик. Он ошибется – я погиб. В общем, снять не могу. Трещит. Под горячей водой снимали. Дудки я теперь шить буду. Убедился. Конечно, средств на все эти опыты уходит – будь здоров. От еды временно отказался... Но неопенимый опыт приобрел. Багаж. Мудрость. Будет что молодежи рассказать!

Пошел к зубному технику одному. Они со стоматологом вместе. Ай!.. Чего они там?.. Ой, они там чего-то плавил в вдвоем, в тигле... Чего-то там автогеном варили... Гипсом заливали... Еле отодрали... Вместе со своими зубами отодрали... И выколотить не могли, так и выбросили. Теперь, конечно, «с», «ж», «з», «ф», «к», «ц», «ч», «ш», «щ» не выговариваю, но опыт приобрел. Теперь я к этим двум жукам ни ногой. Хо-хо! Теперь ты меня там увидишь?! Я у них первым был, оказывается... Ничего, зато они у меня последние. Без зубов и без букв как-нибудь проживу, а они меня теперь увидят!.. Задним умом буду крепок, если передним не прошибаю.

Этот тип косою мне заграничную радиолу подбросил. «Хрундик». Многооборотную. С пяти метров берет. В его руках, на пустыре, она все брала. А у меня теперь на ней только чайник, «Маяк» – с трудом... А я на нее свехурочно, как дурачок, пульман цемента на горбу... А «Маяк» любой наш репродуктор берет, за пять рублей. Ничего. Поумнел. Опыт есть. Я теперь того косою за квартал... Найдет он меня... На всю жизнь зарекся радиолы брать... Шалишь! Умнеем на глазах!

С этой тоже так нехорошо получилось... С личной жизнью. Нелегко... Ой!.. Ну дает она мне прикурить... Ой!.. Один раз ей изменил. Разок... Но теперь опыт есть. Обжегся. Все! Теперь ни ногой... Конечно, малость подзалетел... Платим теперь... Выплачиваем... Доходит до того, что в по-

лучку шесть рублей получаем. Двое там растут... Но опыт есть. Дудки теперь домой провожать, только до троллейбуса. Извините, я теперь опытный.

Что еще мне осталось?.. Ерунда. Почти все на своем опыте испытал.

Это все теория: красный свет, зеленый свет, а пока тебя не переедет, пока грузовик на себе не почувствуешь – никому не поверишь.

Разговор по поводу

Для Р. Карцева

Первый монолог в спектакле А. Райкина «Нам – 25»

Я к вам из районного отделения культуры. Сидите, товарищи, сидите! Я к вам не по службе пришел и буду говорить то, что думаю. Ну что, неплохо. Сатиру даете, молодцы: и авторы, и те, что пишут, актеры и те, что играют, режиссеры и те, что поставили. Молодцы! Но нет у вас, нет у вас... (сжимает кулак) вот этого у вас нет. Вот я смотрел две ваши сценки: «Наглость» и «Осторожность». Одна женщина дома лежит, другая женщина дома сидит, им пойти некуда. Ну, одному некуда, другому, третьему, соберитесь вместе, идите в баню, к зубному врачу, стихи почитайте с выражениями. А вы с этим вопросом на сцену.

Сейчас время не то, а раньше я за эти вещи... раз... и все! Так что повнимательней, и авторы, и те, что пишут, и актеры, и те, что играют. И на прошлом концерте я у вас был. Там какие-то люди ходили по сцене: «Хав ду ю ду, ай лав ю...» – по-английски ругались, а что, по-русски нельзя? А этот толстый актер бегаёт, мотается, шумит чего? Ему разве там место? Ему большие формы нужны: опера, балет «Щелкунчик», с крупными тиграми может работать товарищ! А тот, что худой, с мышами! Я сам над собой много работаю.

Недавно закончил автобиографическую повесть – «Дурак» называется. Тоже такая умная вещичка получилась. Так что смотрите, товарищи, и актеры, и те, что играют, и авторы, и те, что пишут... И про женщин давайте, мало у вас про женщин, а среди них тоже разные люди есть. Так что смотрите, товарищи актеры, и те, что играют, режиссеры и те, что ставят...

И название у вас «Нам – 25»... Что двадцать пять? Ко-му двадцать пять? За что двадцать пять?.. Непонятно. Если трудно будет, приходите ко мне или я к вам режиссером попрошусь. Дадим сатиру юмористически! Телефон у меня есть: Ж-2-Ж-3-Ж-5-Ж-6, добавочный сто пятьдесят. Звоните, заходите, если меня не будет, значит, меня нет!

Полезные советы

Вы знаете, может быть, я ничего не понимаю, но все это нужно играть не так. Как?.. Я не знаю. Но не так. Может быть, я ничего не понимаю, но играть нужно совершенно иначе. Может быть, даже как-то наоборот. Там, где он заходит спереди, попробовать... попробовать... нет, не сзади. Попробовать совсем не заходить. Там, где все играют слева направо, попробовать сыграть по диагонали, что ли, и завернуть штопором вбок! Попробовать! Надо делать. Это же все не так. Все! Как? Еще раз говорю, я не специалист. Я знаю, что не так. Господи! Ну что тут сложного?.. Ну, может быть, появиться в зале на лошади, а может быть, в темных очках, с брандспойтом. Я сейчас фантазирую, вы заметили?.. Или в другом ключе. Более эмоционально.

Может быть, актеры через трубу должны полезть на крышу. Допустим, мы все в зале, а они все на крыше. Может быть, так. А может быть, мы все на крыше, а они все... дома... Я опять фантазирую, вы заметили?..

Я не знаю, я не специалист, меня недавно оперировали. Я лежу и чувствую – не так. Не знаю как, но не так. Я не специалист, поэтому я молчал, иначе они бы меня зарезали. Но это в больнице, а здесь мы же можем фантазировать. Может быть, я не прав, но у меня такое ощущение... Это все нужно играть не так. Как?.. Отвечу. Иначе! Может быть, настолько

иначе, что не играть вообще. Попробовать. Если получится хорошо, продолжать не играть. Может быть, так. А может быть, ничего не менять, все так играть, но без публики. Вы следите за ходом моей мысли?.. Следите вы, потому что мне трудно. А может быть, так играть, чтобы не играть? Ставить и в то же время не ставить. Обращать внимание и не обращать. Говорить о чем-нибудь и не говорить. Речка движется и не движется. Трудно высказать и не высказать. То, что это не так, я знаю твердо. А вот как? Если вы не сыграете так, как я говорю, еще раз извините... Я могу изложить свои пожелания в письменном виде.

Время больших перемещений

Наступило такое время, когда сказать, кто куда поедет, невозможно. Наступило время больших перемещений. Люди ездят. Над головой жужжат битком набитые самолеты, они летят на юг. Такие же набитые самолеты летят обратно. Если бы Ту-104 имели подножки, на них бы висели гроздьями. В Воркуту билет достать невозможно, на Дальнем Востоке битком, на Крайнем Севере на каждом камне турист, в Москве, как обычно, вынесет из метро, ударит об забор и понесет в другое метро – ваше счастье, если вам туда надо. В каждом городе полно приезжих, откуда же они выезжают?

Мы встречаемся с друзьями в Ленинграде, уезжаем от них в отпуск и там встречаем тех же друзей.

Время больших перемещений! Половина людей едет туда, половина обратно, остальные стоят в очереди за билетами. Мой дедушка пятьдесят лет сидел камнем, вчера он двинул в Новосибирск с ответным визитом.

Такое время! Все знают правила уличного движения. Появились миллионы непьющих: они за рулем, их пешком под кирпич не затолкаешь!

Такое время – каждый третий спрашивает, как пройти, каждый второй не знает.

Время больших перемещений. Массы двинули за город. В музеях демографический взрыв. В гостиницах толпы. Под

каждым деревом семья. В гнездах по два птенца и по четыре первоклассника.

На одного лося по двадцать тысяч человек с фотоаппаратами. На малого зайца сорок человек с ружьями, собаками и удостоверениями.

Волки растерялись: за каждым их движением следят по восемь человек, и в их стаю затесался самец с кинокамерой и билетом клуба кинопутешественников.

За Полярным кругом завыл белый медведь, опечатанный, окольцованный и зарегистрированный.

Двадцать человек ждут, когда вынырнет морж. Он бы и не вынырнул, но его снизу подталкивают четыре аквалангиста.

Рыба-кит по фамилии Джек с потухшим взглядом крутит сальто за полведра рыбы, которая свое уже открутила.

Шестнадцать человек помогают льву охотиться. Двое держат козу, один бежит впереди и лаем показывает, где она находится.

В стае акул двое наших!

Люди ездят. Пообедать им уже неинтересно, одеться им уже неинтересно, им интересно путешествовать, видеть, слышать и, кроме желудка и тела, доставлять наслаждение своей душе, чтобы еще полнее сделать то, что называется этим простым словом – жизнь!

Помолодеть

Хотите помолодеть?..

Кто не хочет, может выйти, оставшиеся будут слушать мой проект.

Чтобы помолодеть, надо сделать следующее.

Нужно не знать, сколько кому лет.

А сделать это просто: часы и календари у населения отобрать, сложить все это в кучу на набережной.

Пусть куча тикает и звонит, когда ей выпадут ее сроки, а самим разойтись. Кому интересно, пусть возле кучи стоит, отмечает.

А мы без сроков, без времени, без дней рождения, изви-ните.

Ибо нет ничего печальней дней рождения, и годовщин свадеб, и лет работы на одном месте.

Так мы и без старости окажемся...

Кто скажет: «Ей двадцать, ему сорок»? Кто считал?

Кто знает, сколько ей?..

Не узнаешь – губы мягкие, и все.

Живем по солнцу.

Все цветет, и зеленеет, и желтеет, и опадает, и ждет солнца.

Птицы запели – значит, утро.

Стемнело – значит, вечер.

И никакой штурмовщины в конце года, потому что неизвестно.

И праздник не по календарю, а по настроению.

Когда весна или, наоборот, красивая зимняя ночь, мы и высыпали все и танцуем...

А сейчас... Слышите – «сейчас»?

Я просыпаюсь – надо мной часы.

Сажусь – передо мной часы.

В метро, на улице, по телефону, телевизору и на руке – небьющаяся сволочь с календарем.

Обтикивают со всех сторон.

Напоминают, сколько прошло, чтобы вычитанием определить, сколько осталось: час, два, неделя, месяц.

Тик-так, тик-так.

Бреюсь, бреюсь каждое утро, все чаще и чаще!

Оглянулся – суббота, суббота. Мелькают вторники, как спицы.

Понедельник – суббота, понедельник – суббота? Жить когда?..

Не надо бессмертия.

Пусть умру, если без этого не обойтись.

Но нельзя же так быстро.

Только что было четыре – уже восемь.

Только я ее целовал, и она потянулась у окна, просвеченная, – боже, какая стройная!

А она уже с ребенком, и не моим, и в плаще, и располнела.

И я лысый, и толстый, и бока, и на зеркало злюсь...

Только что нырял на время и на расстояние – сейчас лежу полвоскресенья и газеты выписываю все чаще.

А это раз в год!

В детстве казалось, возьмешь ложечку варенья – в банке столько же.

Ерунда! В банке меньше становится.

Уже ложкой по дну шкрябаешь...

И что раздражает, так это деревья.

То зеленые, то желтые.

И стоят, и все.

Маленький попугай – крепкий тип.

Гоголя помнит и нас помнить будет.

Нельзя нам так быстро.

Не расстраивался бы и вас не расстраивал.

Но жить люблю, поэтому и хочется...

Спасибо вам всем, спасибо!

Для В. Ильченко

Спасибо, спасибо, спасибо вам всем. Спасибо центральной печати, нашему городскому начальству, пионерской организации. Спасибо всем вам!

Инвалид я. Один остался. Лежу, почти не встаю. Осколки всюду. Лицо изуродовано – стыдно на улице. Дома лежал. Вначале работу давали. Скрепочки делал. Потом как-то замотались. Кто-то проворовался. Артель прикрыли, а я так остался. Все заняты, бегают. А я лежу, стараюсь не шуметь. Пятнадцать лет лежал, никого не было. Думал, забыли. Вдруг случайно товарищ фронтовой заглянул. Увидал, как я лежу, написал письмо. Корреспондент приезжал. Увидал, как я лежу, написал статью. И что самое удивительное – напечатали! Напечатали! Спасибо, спасибо... Все, все переменялось. Не одинок я больше, просто, оказывается, никто не знал. А как все узнали – примчались, прилетели! Вся комната в знаменах. Пионеры сбор у постели героя провели. Неделю помощи объявили. Шестой день помогают, еще завтра целый день будут помогать. Солдаты прибежали с лейтенантом, просили рассказать, как Днепр форсировали. Я начал рассказывать, как форсировали, и не могу. Спасибо, спасибо вам, товарищи из округа, что не забыли. Спасибо, что

помните тех, кто осколки в груди носит. Спасибо вам всем.

Памятник мне делают. То есть бюст. Фамилию прибежали узнавать. Старушка одинокая написала, что хочет меня удочерить. У нее уже есть два грузина, казах и друг степей калмык, ей нужен инвалид. Отставник приглашал к себе в Ялту погостить, только просил, чтобы его письмо опубликовали. А позавчера вообще стол накрыли, деликатесов навезли, в жизни не то что не ел, не видел такого! Икры всякие, крабы, осетры, ананасы. Все, что земля родит, все на том столе было – иностранцев ждали. Уже начали обратно в корзину собирать, думали, не приедут – приехали, приехали. Отведал всего. Первый раз такое испытал. Спасибо. Что значит – не забыли. Нужен я кому-то, нужен. А сегодня двое из райисполкома, от которых все зависит, приезжали посмотреть, как я лежу. С газетой приехали. Статью читают и на меня смотрят – сличают. А я лежу и радуюсь: занятые люди, а вырвались, нашли время. И прямо спорить у постели начали, кто раньше должен помогать.

– Вы обязаны были проявить чуткость!

– Почему я обязан? Кто он мне, отец?

– А мне он кто, дядя?

– Идите с ним вместе к чертовой матери!

– Ха-ха! Теперь уже поздно! Теперь нужно реагировать.

– Теперь ему квартиру надо давать.

– Давайте!

– А очередь?

– А не надо было корреспондента пропускать.

– А я его видел? Проскочил этот пис-с-с-сатель. Нацарапал!!! И ускакал!!! А я теперь выискивать должен! Ох, я б его...

А я лежу и улыбаюсь. Наконец-то, наконец-то... А слезы по щекам стекают в подушку... Под пулями не плакал, ноги отнимали – не плакал... А здесь первый раз в жизни... Не забыли! Спасибо вам... спасибо... спасибо... спасибо...

Скромность

Сегодня мне бы хотелось поделиться своими раздумьями, своим опытом. Я думаю, будет полезно кое-кому. Особенно из молодежи. Она, как говорится, пороху не нюхала, ран не считала. Я, граждане, с большой горечью и обидой замечаю, как кое-кто, особенно из молодежи, добившись увеличения зарплаты или там получив гонорар, начинает обставляться, покупать квартиры, холодильники и прочее.

(Ему подставляют кресло.)

Кое-кто забывает, в чем истинная красота жизни. Красота жизни в красоте человека. А обстановка лишней раз подчеркивает эту красоту. Скромная обстановка создает красоту человеческой личности.

(Меняют кресло на диван.)

Пусть кто-то живет в роскошных квартирах, сидит на диванах, ходит по мягким коврам. Такая жизнь не для нас. Мы – романтики. Нам куда милей тайга, шалаш, костер, комары и песня. «На битву и доблестный труд, расправив упрямые плечи, вперед комсомольцы идут».

(На него надевают халат.)

Вот так надел рюкзак на плечи и – марш, марш вперед. В неизвестное. В загадочную неустроенную даль.

(Подставляют скамеечку для ног.)

Пусть у нас одна рубашка на троих, одни штаны на четве-

рых, пусть нам холодно. Пусть!

(Устраивается на диване, на него направляют вентилятор.)

Пусть нам жарко! Пусть нам мокро и не подвезли продукты.

(Привозят столик.)

Пусть даже... ну утонул кто-то. Все равно! Романтика в этом. Смысл жизни в этом. И украшает нас не то, что снаружи, а то, что в нас, внутри.

(Жует.)

Беспокойство наше. Желание идти туда, где еще ничего нет. И неизвестно, когда будет.

(Приносят коту и молоко.)

Вот посмотрите *(щекочет коту)*. Что движет покорителями Севера? Мороз восемьдесят семь градусов *(отгоняет муху)*. Не то что муха – ничто живое не выдерживает. Белые медведи мерзнут. А нашим ничего. Наши в палатках с транзисторами. Один из них мне рассказывал, медведь упал на них. Сверху на палатку. И лежал. А они снизу лежали. Вот это жизнь. К этому можно стремиться. Я не верю, что такое можно сделать ради заработка. Ради вот этой бумажки. Дайте-ка!

(Ему дают доллар. Он возвращает.)

Что на нее купишь? Моральное удовлетворение? Авторитет товарищей? Любовь окружающих? Уважение родственников? Ничего. Только обстановку квартиры, дачи, то есть

именно то, что унижает человека. Да вы вспомните, какими были великие люди. Как они одевались. Какой образ жизни вели? Боже мой, на ступеньке, согнувшись, накинув пальто, что-то записывает. У меня эта картина всегда перед глазами.

(Кто-то переспрашивает и записывает.)

Я говорю, у меня эта картина всегда перед глазами. *(Диктует.)* Согнув... шись... на ступеньке... А какие мысли?! Жизнь, отданная идее братства, равенства, счастья для всех, для всех, а не для избранных. Вот идея, ради которой великий человек жил и не разбрасывался на мелочи. И, пользуясь огромным авторитетом, не использовал власть для своих целей. Скромность от волос до ногтей. Как же вы свою жизнь, которая дается один раз и которую нужно прожить так, чтобы не было *(щелкает пальцами, дают книгу, читают)* «мучительно больно за бесцельно прожитые годы», эту жизнь разменивать на мелочи. Искать роскоши и уюта, покупать зеркала и кондиционеры, отгораживаться дачами и машинами, терять с людьми контакт, менять жизнь, полную романтики и риска, на мягкое кресло, за которое держитесь руками и зубами. И вообще, стараться использовать малейшее продвижение по службе для немедленного улучшения своего жилья и этого гнусного быта. И самое главное, на это нужны деньги!.. И немалые... А где их взять?.. Значит, приходится... Но это уже другая тема: о честности. О ней я вам расскажу в следующий раз.

Вечерний разговор

Ревизор. Устал. Пока проверишь вашу отчетность, с ума сойдешь. У вас столько нарушений. Придется передать дело в суд...

Бухгалтер. Может быть, погуляем?

– Погуляем?.. Зачем?

– Зачем погуляем? Кто сказал «погуляем»? Посидим.

– Посидим?.. Где посидим?..

– На скамеечке...

– На скамеечке?.. Зачем?

– На скамеечке? Кто сказал «на скамеечке»?.. На стульчике...

– Где... на стульчике?..

– За столиком.

– За каким столиком?..

– За каким столиком? Кто сказал «за столиком»?.. В ресторане...

– В ресторане?.. Зачем?..

– Зачем в ресторане? Кто сказал «в ресторане»? Дома.

– У кого дома?.. У меня дома?..

– Зачем у вас?.. Кто сказал «у вас»?.. У меня...

– Пить будем?!

– Зачем пить? Кто сказал «пить»? Кушать тоже будем.

– Пошли!

- А в нарушениях я не виноват. Эти нарушения...
- Нарушения? Кто сказал «нарушения»? Пошли!

ПОДОПЫТНЫЙ

Сейчас главное – попасть в группу. При одном институте группа подопытных образована. Они так и говорят: «Ты – подопытный человек. Вот тебе сколько угодно денег, в мешке – крупные, в ящике – мелкие. Бери, делай что хочешь, а мы тебя изучать будем в порядке эксперимента на будущее». Допустим, мне так говорят. Я беру торбу, набираю, или еще лучше – тачкой. А все спрашивают: «Чего это у тебя звенит в тачке?» Ну, там, гвозди... Тут главное – домой довести. А уже из тачки – в торбу. И что же я делаю как подопытный с этой торбой? Ну конечно, обмыть... Тут и речи нет. Приглашаю всех ребят с работы, с улицы, с базара – в ресторан, – сидим. До полусмерти. Официанты пьяные, вахтер – ресторан на ключ и в бочке с фикусом лежит, гардероб закрыт – все ушли в буфет. Повара вокруг котлов, как лепестки. Подопытный гуляет.

Городок дрожит, милиция по дыму определяет где, но трогать боится. Неделью сидим. Я беру и по телефону даю шестнадцать телеграмм в разные города. Вызываю такси. Садимся с ребятами, с официантами, грузим шестнадцать ящиков водки, три бочки кислых помидоров, четыре ящика люля-кебабов и едем в другой ресторан. Сидим до полусмерти. Сколько стоит зеркало? Тысячу рублей. Хрясь пивом, держи две тысячи. Кто в люстру боржомом с места? А ну, ре-

бятя, а полусидя... Ой, мазила, а ну разойдись... Хрясь! Готов! Сколько? Десять тысяч. Держи тринадцать. Устали. Выскакиваю на улицу. Ребята, трудящиеся, кто гулять хочет?! Увольняю всех с работы, заходи, я подопытный!

Свою футбольную команду набираю. Плачу по тыще в день. Мальчики наказывают «Торпедо» 16:0. Всем по «Волге», нате, играйте, любимые. Устал. Отдыхаю на море в ресторане до полусмерти. Отдохнул. Отдыхаю в холодке, в Мурманске, в «Арктике», мировой ресторан. Накрываем на стол на льдине. Устал. Строю кооператив. Заселяю всех даром. А деньги – мне. Устал. Отдыхаю. Строю подземный переход Кишинев – Бендеры, там нужно очень, и взимаю с каждого, потом беру и окупаю. Покупаю завод тяжелого машиностроения. Строю гостиницы и беру с каждого... Постой... Что-то... Это уже не из будущего... Это что-то из прошлого. Мои мечты о будущем уже были кем-то осуществлены. Ладно, главное – в группу попасть.

Вся наша жизнь – спорт

Вся наша жизнь – спорт. Потому так высоко прыгаем, что толчок сильный получаем. Сверху посмотришь – все подпрыгивают, как на сковородке. Высоко подпрыгнул и затаился с добычей. Потому и быстро бегаем, что на запах. Потому и тяжести огромные перетаскиваем, что в запас. Только по мешкам и узнаешь, откуда возвратился. По детским крикам взрослых разыщешь, по асфальту – исполком, по народной тропе – киоск, по гулу – стадион, по бегу на результат – спринт, по бегу за результатом – сапоги, по бегу без результата – бесплатное лечение.

Что в молодости спорт, в старости – дрова, керосин и нитки.

Феня, моя жена

А я вам вот что скажу: пока все не переживем друг на друге, до тех пор будем бегать и волноваться. Женитьба очень большое спокойствие дает. Я до свадьбы прямо весь зеленый ходил, вскипал, как чайник, с полоборота заводился. Как женился на Фене – затих. Успокоился. Румянец вот. Походка твердая, рукопожатие крепкое.

Сосед мой за стеной нервный, как канарейка. С утра вопьется в газеты: «Ай!.. Ох!.. Ох, эти молодцы! Ах, те сволочи!..» Я его встречу в коридоре, к стене прижму: «Чего ты расстраиваешься, зайчик? Мы с тобой двадцать лет живем душа в душу. Так твоя душа уже с двумя инфарктами, острая сердечная недостаточность и плоскостопие, а у меня – смотри. В глаза мои погляди. Нетронутые глаза! Душа чистая. Пищеварение здоровое!»

Радио не слушаю. Газет не читаю. В споры не вмешиваюсь. Вот ты говоришь, что американская подлодка вошла в Японию. Почему ты должен переживать, носиться по комнате, рвать на себе белье? Что, она выйдет оттуда? Что, это от тебя зависит? Чудаки вы все. Вцепятся в газету. Глодают страницы, с ногами в репродуктор влезают, валидол литрами пьют. И что от этого меняется? А мы с Феней спокойные, как льдины маринованные. Смотри на меня: сорок пять лет, цветущий мужчина, как ландыш. Жить и жить! Кое-где бы-

вал, кое-что повидал. В Крым ездил, в Сочи ездил, в Сухуми был, осталось в театр сходить – и уже везде побывал!

И все слава богу. И за все спасибо. Обуты и одеты, и в доме есть чего перекусить. И телевизор, слава богу, всегда на погоду настроен. Тихая передача. Хоккей смотрю – не переживаю: выиграют – хорошо, проиграют – замечательно. А чего я должен волноваться, я же не играю, я сижу. Клуб кинопередвижек – приятная вещь: сидишь в тапочках, а тебя на Цейлон или под воду. А ты только чай из блюдечка схлебываешь. А как политическая часть начинается, выключаю аппаратуру, обесточиваю агрегат. Он – чтоб остыл, а я – чтоб не раскалялся. А что мне тот самый Уругвай? Как я у них там разберусь, если они там по пятьсот лет живут и сами разобраться не могут?.. Вообще настырные есть – ужас! На собрании ко мне прицепились: почему вас ничего не интересует, не волнует? Как же, говорю, не волнует? Все меня волнует, только оставьте меня в покое!

– А это вас волнует?

– Волнует, – говорю.

– А чего ж вы такой спокойный?

– А это у меня тембр такой.

– А это вас волнует?

– Волнует, чего ж...

– А если вам зарплату урезать?

– Ты что, сдурел, – говорю, – сейчас дам кирпичом по голове!

– Чего вы не подняли старушку, что у вашего порога лежала?

– А чего ее поднимать, действительно? Ну лежит себе, раскинула кошелки. Может, она отдыхает, может, вспомнила чего. А я ее должен хватать на старости лет? Она рада, что из дому наконец вырвалась, а я ее обратно к своим запихивай!

«Почему не помогли пожар тушить?» Такое скажут, хоть стой, хоть падай. Видел я там пламя из окна, искры. Так что, я должен бежать туда? Может, праздник у людей, а я врываюсь с ведром, поливаю незнакомую компанию. Там действительно кто-то крикнул: «Горим!», потом: «Караул!», а кто-то добавил: «Помогите!» Но все так спокойно, с юморком. Ну гуляет семья, мало у нас гуляют?

Раньше люди в коммунальных жили – кастрюля к кастрюле, а сейчас большинство в отдельных, и не лезь! Валяться буду на улице – не приставай. Отдельно хочу! А как лезут, начинают тормозить, к жене посылаю. А для чего я женился?

На субботник?.. Можно на субботник, только по этому делу до жены моей, до Фени, до Фенечки. Озеленение?.. Деревья обкопать?.. Чудное дело. А как же. Только с этим не ко мне, а к жене моей. До Фени. До Фенечки. Она разберется.

Я тихий человек. Мне было б что поесть, где поспать и что почесать. Никаких у меня ответов нет, никаких вопросов не накопилось. И не тереби меня. Дай полежать спокойно. Со всеми переживаниями до жены моей. Вон она, Феня. Вон

она ходит, мягко стелет, вкусно варит. Феня, моя любимая.
Все до Фенечки!

Авас

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Первый. Чувство юмора – прекрасное чувство. Оно необходимо каждому человеку. И как жаль, когда у некоторых его нет.

Вот у нас в институте произошел такой случай. Есть у нас грузин, студент, по фамилии Горидзе, а зовут его Авас, и доцент Петяев, страшно тупой. Вызывает доцент этого грузина к доске и спрашивает:

– Как ваша фамилия?

– Горидзе.

– А зовут вас как?

– Авас.

– Меня – Николай Степанович, а вас?

– Авас.

– Меня – Николай Степанович, а вас?

– Авас.

– Меня – Николай Степанович! А вас?!

– Авас.

Так продолжалось два часа. Он никак не мог выяснить, как зовут этого грузина.

Второй (*входит*). Что вы смеетесь? Я тоже хочу.

Первый. Да я тут рассказываю... У нас в институте про-

изошел такой случай. Есть у нас грузин, студент, по фамилии Горидзе, а зовут его Авас. И доцент Петяев, страшно тупой. Вызывает доцент этого грузина к доске и спрашивает:

– Как ваша фамилия?

– Горидзе.

– А зовут вас как?

– Авас.

– Меня – Николай Степанович, а вас?

– Авас.

– Меня – Николай Степанович, а вас?

– Авас.

– Меня – Николай Степанович! А вас?!

– Авас.

Так продолжалось два часа. Он никак не мог понять, как зовут этого грузина.

(Пауза.)

Первый. Есть у нас грузин, по фамилии Горидзе, а зовут его Авас. Зовут его так – Авас. Да, назвали его так, он не виноват. Авас. Тебя как зовут?

Второй. Степа.

Первый. Ну вот. Ты Степа, а он Авас. Он Авас, а ты Степа. Грузин Авас...

Второй. А кто Степа?

Первый. Ты Степа! А он Авас. А доцент тупой. А ты Степа. А он тупой. Вызывает доцент этого грузина к доске и спрашивает:

– Как ваша фамилия?

– Горидзе.

– А зовут вас как?

– Авас.

Второй. Кого?

Первый. Что – кого?

Второй. Кого он спрашивает все время периодически?

Первый. Периодически? Кого спрашивает? Кто спрашивает? Грузин?

Второй. Какой грузин?

Первый. Есть у нас грузин! И доцент тупой! Вызывает он этого грузина к доске и спрашивает: «Ваша фамилия?» – «Горидзе». – «А зовут вас как?» Он говорит: «Грузин». То есть «доцент». То есть «грузин». Нет, грузин думал, что он спрашивает его, грузина... то есть доцента, а доцент думал, что он его спрашивает...

Второй. О чем?

Первый. О грузине. Нет, о доценте. Он говорит: «Как ваша фамилия?» – «Горидзе». – «А зовут вас как?» Он говорит: «Авас». Он говорит: «А я доцент». А тот говорит: «А я грузин». А доцент говорит: «А я кто?» А он говорит: «Вы тоже грузин».

Второй. Так они оба были грузины?

Первый. Вот это я не помню. Один был грузин, а другой... Степа!

Второй. Да это я Степа.

Первый. Ты Степа? А кто грузин? Грузин не знал, что он грузин...

Второй. Ему не сообщили?

Первый. Сообщили, но поздно. Он уже был Авас!

Второй. Давай еще раз!

Первый. Есть у нас грузин и доцент тупой. Страшно тупой.

Второй. А грузин?

Первый. А грузин нет. И ты тоже. Вместе с доцентом.

Второй. Ну?

Первый. «Ну!» Вызывает он его к доске – Авас, Авас, Авас, Авас!

Второй. А-а-а! Ну и что?

Первый. Ничего.

Второй. А чего вы смеялись?

Спокойно, товарищи

Товарищи, у некоторых появилась мания: они стали бояться, что за ними захлопнется дверь. Вышел из квартиры – захлопнулась дверь, остался на лестнице в трусах. Вышел из министерства – захлопнулась дверь, остался на улице со списком. Выехал из города – захлопнулась дверь, остался в степи без документов... Некоторые стали руками придерживать, некоторых от ручки не оторвешь. Они жутко замки проверяют и каждый раз снова тянутся, возвращаются, не могут отойти...

Товарищи, убирайте ноги, дайте закрыть. Предупреждаю, если сзади шелкнет, это не всегда дверь. Кроме замков автоматических, так называемых английских, есть ручные, висячие – наши. Их слышно, когда закрывают. Не надо ногой дверь придерживать: вы мешаете находящимся в помещении. Идите. Будете стучать обратно – лицо держите перед глазком.

Снизим растущие потребности!

Граждане, гражданин! Я труженик советского сервиса. Не Севера – сервиса, обращаюсь к вам, наши клиенты, с мыслью: за все надо сказать спасибо.

Пообедал – слава Богу!

Поспал – спасибо!

Одет – благодарю!

Обут – хорошо.

Эти роптуны только портят... Скандалят, критикуют... А нам и так хорошо... Я лично доволен, что существую, и все! За все спасибо и слава Богу... Не хочу ничего усовершенствовать... Раз лучше, чем было, значит, уже хорошо!

Отчего у всех растут потребности?.. Зачем тебе машина?.. Ты же хочешь, чтоб тебя заправляли, чтоб тебе стекла мыли... Кто тебе будет мыть?.. Они тоже хотят в машинах сидеть. У нас все равны...

Дадут тебе машину, ты разве успокоишься? Ты же дачу к ней захочешь прицепить двуспальную. Хорошо, если со своей женой: у тебя потребности растут. А потом туда газовую плиту прикажешь вставить, приемник, телевизор. А откуда это взять?.. Нам что, капиталист одолжит?

Нет... Получается жуткая картина... Другой такой же, как ты, советский человек должен взять перед этим ни капли не выпить, встать с утра пораньше, засучить рукава и вкалывать

весь день напролет. Ему уже на перекуры и на разговоры времени не остается, потому что он тебе дачу клепает.

А еще пятеро несчастных, непивших, некуривших, тебе туда диван вталкивают. А бедолага, у которого ни в одном глазу, который нарушил свой распорядок, не побаловал с нормировщицей во время рабочего дня, тебе отопление ставит, проклиная свою разбитую жизнь.

А конструктор, тонкий ум, высокий интеллект, не обсудив как следует вчерашний футбол и не заточив за полдня карандаш, вынужден сразу, с утра размечать для тебя окошки, чтоб тебе вдыхать и выдыхать. Чтобы тебя грело, а там охлаждало, чтоб тебе там пусто было, а здесь битком...

Мрачная картина общего напряжения...

Зачем мы друг другу на голову свои потребности обрушиваем. Может, откажемся, а? Скажем, не надо нам, а? Не хотим загружать своего коллегу, брата своего удивительного. А, ребята? Если договоримся, сразу тише станет...

И не надо на нее прыгать. Что, она не такая, как ты?! Шашлык в пыли... С полу, с жару... Сдуй. Тряпочкой оботри... Чего ты ей жизнь портишь?! А завтра она придет к другому: почему стиральная машина течет, а тот поползет на поликлинику жаловаться... Только начни... У всех сразу настроение испортится. Зачем?.. Рухнул на тебя потолок... Сиди... Считай, отомстили: он вчера от своего фена электрического получил все двести двадцать вольт в руку.

Откуда у одного будет вдохновение другому подавать, ес-

ли тот ему так пол прибил, что сквозь трещины собака пролезет. Вот и все. Что может быть лучше: накрылся шкурой, спустился к водопаду, напился. Антилопу догнал. Кулаком ее сшиб. И сыт. И лежишь под деревом. Или на дереве. В заповеднике... Орла стрелой снял. Перо вставил – все женщины твои... Летом лавровый лист надел, на берег океана пришел. И лежишь... Пальму потряс, банан упал, и опять лежишь...

Все, что надо, животное подаст, обезьяна... Зачем своих загружать. Светлая картина... Ну?.. Как?.. Откажемся, а, братья? На кой черт нам эти шелка, машины, пылесосы... Никто же нам не даст... Самим надо внедрять, добывать, ругать, вставлять, долбать... Стоят они этого всего, эти растущие, а?..

Если что решите, подходите, я рядом на стройке отдыхаю.

Диета

Есть прекрасная диета. За неделю – полвеса. Для начала легко скандалите на работе, высказывая недовольство общей системой производства и не видя выхода. Вас увольняют с плохой характеристикой.

Широко известно изменяете жене, крича: «А как же, конечно!» Не видя выхода, она от вас уходит. Та, вторая, ждет ребенка, но вы от него отказываетесь, крича в суде: «Конечно. А как же!» Обильно заливаете соседей и ждете их прихода с ответным словом. Пишете письмо о плохой работе своего отделения милиции и подписываетесь полностью. Прорываетесь без очереди сквозь толпу, называя себя инвалидом, – отчего им становитесь.

Затевае ремонт – приходите без материалов, без связей, без очереди и требуете начать ремонт, выкрикивая слово «официально».

Вызываете «Скорую» и вступаете с врачом в диспут: почему их не было полтора часа? Он вам о зарплате фельдшера, вы ему о всеобщей медицинской помощи. Он вам о личной заинтересованности, вы ему об успехах здравоохранения. Тут же он вас лечит, и, выкрикивая слово «принципиально», вы пробиваете на телевидении этот разговор. Пробиваете, пробиваете, пробиваете и потом опять пробиваете и уже тогда начинаете пробивать там же разговор о продуктах,

отталкиваясь от желудочных заболеваний и связывая его со «Скорой». Пробиваете, пробиваете, пробиваете, потом еще раз пробиваете и, так и не выбив пропуск у вахтера, чтобы просто подойти к зданию, идете взвешиваться.

Теперь можно есть все. Вопрос в аппетите.

Грипп

Грипп или что другое. Температура. Вызываю по телефону. Через три часа дверной звонок. Стоит девочка в ботах. Носом хлюпает, шарфом обмотана.

– Врача вызывали?

Я под одеяло. Она села на кровать.

– Что ломит? Чем болеете?

– В общем, грипп.

– Где работаете?

– Пишу.

– Писатель? Как интересно. Книги пишете?

– Юмористические штучки.

– Поднимите рубаху. Дышите глубже. А трудно писать юмористические рассказы?

– Нет.

– А по-моему, очень трудно. Где вы темы берете?

– А вы врач?

– Нет. Я студентка. Нас на эпидемию бросили. Вы один живете? Некому сходить в аптеку?

– Один.

– Ну, что нового в театрах?.. А где вы темы берете для юмористических рассказов?.. Ну, я пошла. Лежите, я сама оденусь. Вам нельзя вставать. Ни в коем случае. Я даже могу дверь закрыть.

Дверь захлопнулась. Тут же звонок в дверь. Одеваюсь. Встаю.

– Ой, перчатки забыла. Вот они. Все, лежите.

Раздеваюсь, ложусь.

Звонок. Одеваюсь. Встаю.

– Ручку у вас прихватила. Ложитесь. Нельзя.

Раздеваюсь, ложусь, звонок. Одеваюсь. Встаю.

– Самое главное, извините, я случайно захватила рецепты, которые я вам выписала. Я уже тут в каждой квартире что-то забываю. И все-таки это не так трудно, как писать юмористические рассказы.

Мальчики, схватимся и побежим¹

Ребята! А что, если все вместе возьмемся и побежим... Вот прямо сейчас, схватились и побежали...

(В сторону). А? Что?.. Завтра выходной... Да... А когда?.. Понедельник?.. Ну ладно... только точно...

Так, все, ребята, понедельник... только все как один... Ну!.. Давайте!.. Не стоит?.. Через месяц, ну ладно... через месяц. Но так же нельзя сидеть, нельзя, мы же стареем на глазах... Мы же понимаем, что это нужно!..

Ну!.. Встали, побежали... Сейчас же... Ну в чем сидим, в том побежали... Ну и что, если зима?.. Холодно?.. Ну что?.. Ну по снегу. Ну и побежим... Промокнем, ну и что...

Ну хорошо, как потеплеет... Ну ладно... Да что ладно?! Ну нельзя же... Ну! Ну я кому говорю! Подъем!.. Подъем! Ну!.. Схватили рюкзаки, надели что есть и за мной!..

А?.. Что вы сказали?.. Весной... Ну тогда уже все вместе. Ну и чудесно... И студентки подьедут, и медсестры присоединятся. Да... Уже всех соберем, и тогда... Ладно... Договорились.

Все!.. Весна!.. Побежали, ребята, пробьемся!.. Ну!.. Что?.. Сессия... и медсестры заняты... Грипп, да... И сессия... Ну ладно... Через пять лет они закончат, тогда и понесемся... Рюкзаки, и пробьемся!..

¹ Первое произведение.

Ребята! Закончили... Давай... Только все как один... Ну!.. Что?.. Опыта нет... Только закончили... Ну да... пусть поработают немного... Пообвыкнут... Разберутся... В общем, еще чуток обождем...

Ну все, пора! Обвыкли все... Побежали, товарищи, побежали... впереди самые активные, сзади те, кто, так сказать... А когда придет теплое белье?.. Ага. И хорошее бельишко? С начесом внутрь... Товарищ, есть смысл подождать и уже во всеоружии, в теплом бельишке... А?..

Ну что... все есть?.. Ну... Рванули, мальчишки, мальчишки, мы недалеко... Мальчишки!.. Радикулит?.. Ну, рванули... поясница?.. Доктор говорит, через год будете танцевать. Ну, еще год, столько ждали...

Ну все, кажется, полегчало, схватили рюкзаки?.. А?.. А... шестьдесят лет... куда бежать... куда спешить... и пешком там будем... Вот молодежь растет... вот эти да...

Ну чего вы сидите?.. Вперед, ребята... Вы молодые, вам карты в руки... Только все вместе... Бегом!.. Прыжками! Вперед, дети мои!.. Вперед, внуки мои... За деда, за бабу... Ну, побежали...

Куда?..

Куда-то вперед... А может... Я помню, надо бежать. А куда?.. Для чего?.. А!.. Вот и солнышко выглянуло... Идите, идите, не мешайте...

Подруги

Из спектакля А. Райкина

На углу стоят восемь женщин.

Девятая (*прощается*). Девочки, я так рада, что мы наконец собрались. Мы последнее время так редко собираемся. Я вас приглашаю на следующее воскресенье. Ладно, девочки?! Ну, я пошла... До свидания...

(Восемь женщин смотрят ей вслед.)

Первая. Хорошо, что она нас пригласила... Мы так давно вместе не собирались. Правда, девочки?.. И как здорово все было приготовлено. С каким вкусом... Я ела и думала: откуда у нее деньги? В аптеке работает... Это все яды... Она домой полную сумку ядов тащит. А сейчас за яды бешеные деньги дают: змей не хватает... Эх! Мне б яду... Ну, я пошла.

(Семь женщин смотрят ей вслед.)

Вторая. Видели, кофта на ней!.. Муж плавает на пароходе день и ночь. Никто его не видит... Такие вещи привозит. Класть некуда. Могла бы сказать мне: «Капа! Я вижу, ты смотришь... На! Мы поносили, теперь ты поноси... На!.. Бери!..» Господи, я бы все равно отказалась, разве мне нужны эти тряпки... Но она могла бы предложить?! Ну, я пошла...

(Шесть женщин смотрят ей вслед.)

Третья. Отсудила у мужа все... Выбросила его на улицу

голого и босого, там он простудился и слег.

А еще два диплома имеет, образованная... До свидания, мои любимые!

(Пятеро смотрят ей вслед.)

Четвертая. Образованная... Уж кто бы говорил, а она б молчала. Сама на свой диплом чайник ставит! А я, между прочим, без диплома и без аттестата, и все со мной совету-ются. Потому что все меня любят. Правда, девочки?

Все. Конечно, милая...

(Четвертая уходит. Четверо смотрят ей вслед.)

Пятая. Ей уже сто лет. Водку пьет, как мужчина, и ничего. Вот что значит организм... Ну, надо идти.

(Пятая уходит. Трое смотрят ей вслед.)

Шестая. Иди, милая, иди... Сама становится все старше, а мужья все моложе и моложе... Последний, кажется, в школу ходит. До свидания, девочки.

Двое. До свидания, родная.

(Шестая уходит. Двое смотрят ей вслед.)

Седьмая. А я тебе скажу, что у нее комплекс. Знаешь, теперь есть такой комплекс ненормальности. Все стучит шваброй в потолок, чтоб перестали мебель двигать. А у нас из мебели ведро воды... Такая дура... За что ее мужу Ленинскую премию дали?.. Пошла.

Восьмая. Пошла, пошла...

(Остается одна. Тоскливо смотрит по сторонам.)

(Себе.) Пошла... Пешком... А по ночам на «Волге» ездит.

Скрывает... А от народа скрывать нечего. Народ ночью видит лучше, чем днем. Верно?.. Верно!.. Точно?.. Точно!

(Уходит направо. С левой стороны поднимается занавес. Восемь женщин стоят, смотрят ей вслед.)

Первая. Видели?.. Она улыбнулась. Челюсть у нее искусственная. А если копнуть глубже, вообще парик!

Одинокий

Послушай, кацо, нехорошо получается. Сначала все хохочут, только потом я хохочу. Все плачут, потом я плачу. Иногда все молчат – мне кричать хочется. Что за характер такой? А? Все кричат – мне молчать хочется. Понимаешь?! Чем больше мне говорят: «Бога нет», – мне так и хочется сказать: «А ты видел, что его нет? Что ты кричишь?! Ты не видел, что он есть, и не видел, что его нет. Что ты вообще видел?»... К невропатологу пойти, что ли? На анализы лечь... Невыносимо, слушай... Если все туда побежали, я здесь останусь. Скажи, тип интересный. Все кепки надели – я должен папаху прицепить...

Мне серьезно лечиться надо, на процедуры ходить. Из-за характера своего я уже без родственников остался. Мне друзья говорят: «Ты что, действительно хочешь быть ни на кого не похожим?! Что телевизор не купишь? Что фигурное катание не смотришь? Что от Райкина не смеешься? Что комнату не обставляешь внизу для себя, вверху для гостей?! Почему не пьешь с нами, как мы? Почему женщин не любишь, как мы? Зачем издеваешься над нами – выделяешься из нас?! Мы твои друзья, для которых ты дороже жизни, – мы тебя побить можем...» Я им говорю: «Вы мои друзья, вы меня можете побить. Ну не буду я идти инженером, все туда пошли. Не могу я! Больной я человек».

Людей стал избегать. Не хочу лучше, чем у соседа, не хочу хуже, чем у соседа, не хочу вообще, как у соседа, сам по себе хочу... Людей стал избегать... Из Москвы блондинка приезжала – весь Гудаут за ней ходил. Я в землю уткнулся. На месте остался... Ну ты видел такого?!. Лаковые туфли не хочу обувать. Кепку сбросил. Брюки-шаровары надел, рубашку украинскую, трубку. На Тараса Шевченко стал похож. Все переменял. Сюда переехал. Друзья приезжали, побили все-таки... А что я могу сделать?.. Больной человек. Хороший врач нужен.

Поменьше юмору, граждане!

Граждане! Чтоб не мешать, пока давайте меньше юмору, граждане. Давайте пока не острить. Изо всех сил держаться и не острить. Меньше смеху, меньше улыбок, товарищи! Больше насупленности и сурьезу. К насупленным, драматически сурьезным и трагически сосредоточенным больше доверия. Все понимают, что вы своим юмором хотите сказать... Все бы хотели сказать. Но низзя!.. Рано. Успеем. Проблемы решать надо в полном молчании... Решим – остри, не решим – молчи, пока не решим. Свистнем – остри. Жди свистка.

Сурьезный, насупленный, молчаливый и диковатый вызывает огромное доверие и сверху, и снизу. Он что хочешь выполнит – не что хочешь, а что хочешь выполнит – без издевательских острот и жуткого подхихикивания снизу.

При мне от смеха у людей выпадали кувалды, баранки и гвозди. Трясущийся от хохота, со слезящимися глазами комедиант не может найти оброненный карандаш или пассатижи и теряет час-два горячего рабочего времени. Сила удара кувалдой по конструкции у смеющегося человека вдвое ниже по динамометру, мы замеряли.

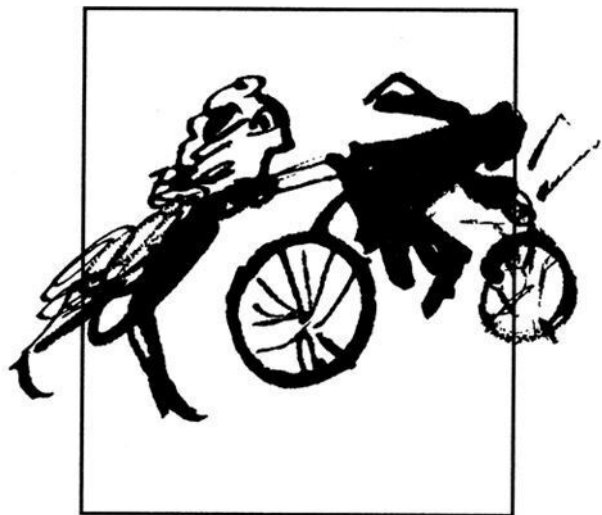
И правильно сейчас просматривается намечающаяся тенденция, смешанная с концепцией по всемерному снижению уровня хохота в организациях и частных лицах.

Под песню, напрасно непрерывно бодрящую из динами-

ков, хорошо ходится и входится строем в ворота производства, хорошо клепается у горячих мартенов. Так что давайте, давайте, давайте побыстрее без юмора, граждане. Побыстрее, побыстрее, нечего откладывать. И прямо сейчас, без этих насмешек и подхихкиваний под печатающий шаг трудовых отрядов.

И не дай бог насмешки над собой как признака ума, который, мол, есть в Англии. И ездай. И смейся над ими же з ими вместе. Все замороженные, все выбивают друг у друга дефицит и прописку, так что ж их отвлекать от этого святого дела.

Ишо над собой смеяться... ишь чего. Дай волю – половина покатится до судорог, на карачках уползет. А низя! Разговор должен быть громкий, крепкий, лобовой, без подмигиваний и намеков.

Равномерное изложение, равномерно действующее на окружающих. Слова употреблять знакомые, много раз слышанные, вроде гудения трансформатора: предоставить, обеспечить, наладить, обратить внимание. И это правильная тенденция, смешанная с концепцией, – оставить у человека на завтра такое настроение, какое у него было сегодня.

А чувство юмора выбивать из остряков руками, и его издали будет видать. Научись острить без намеков и веселиться без юмора, увидишь, как к тебе потянутся люди посмотреть на тебя, юмориста, порадоваться за себя.

Вот так на сегодня. А на завтра посмотрим, когда подождем! Как подождем, так и посмотрим.

Склероз

Слушайте, это ужасно, слушайте. Только что смотрела картину, оказывается, второй раз. Черт его знает. Иди запомни название, иди запомни содержание. Сижу, смотрю. Мне говорят: «Вы уже это видели». Начинаю присматриваться. Действительно, что-то шляпа знакомая. Тайга какая-то, чекисты. Правильно, смотрю второй раз, если даже не третий. Слушайте, это же ужасно! Сейчас иду посмотреть «Месяц в тайге». Напомните мне – это там, где она ему изменяет или где он план не может выполнить? Тоже не помните. Никто не помнит. У всех склероз. Здоровье ни к черту. Пойду посмотрю.

Вперед

Из человека в шприц что-то можно выдавить.

С листа собрать чернила в авторучку.

С газеты на матрицу буквы снова перевести – в свинец переплавить. Свинец вывезти на Среднерусскую возвышенность и снова закопать – снова гору возвести по фотографиям.

Дрова в деревья перевести, нейлон – в уголь, уголь – в шахты.

Воду из чайников в реки вылить.

Костюмы наши распустить, свалить, стриженным овцам сшить тулупы и надеть на них с извинениями.

Перья у дам выдернуть, снова этим ребяткам страусам вставить.

Гири переплавить, прилавок разобрать, чтоб ему стоять негде было.

Телевизоры разобрать, медь отдать Хозяйке Медной горы, стекло растолочь и снова в песок на берег реки.

По проводам пойти, разыскать электростанции, разобрать, воду слить, мазут в скважину закачать.

Землю по фотографиям и наскальным рисункам восстановить, пушки в руду перевести и отвезти на Курскую магнитную аномалию, где и разбросать.

И все это время не стричься и не бриться, зарастать начать

и продолжать зарастать.

И уже этой шерстью согреваться и по деревьям по оставшимся рассестся.

Ничего не значащие слова «Эй, здоров», «Как дела», «Ты все еще там», «Я все еще здесь» заменить гортанными криками и курлыканьем: «Эй зоов ка-ак жи-и, ка-ак де-а-а-а, ты здесь... я т-а-а-а-м...»

Сидеть на деревьях каждый на своем, цепляясь за ветки сильными рыжими ногами и провожая упавшего равнодушными взглядами, – не приспособился.

За самым заросшим, самым приспособившимся, у которого уже первые признаки хвоста, мчаться в апельсиновую рощу. А-а-ах... и бегать, и спать, и прыгать, и пить, и снова бояться львов и тигров, а не этих своих товарищей...

Не пойму, что с людьми происходит

Для Р. Карцева

Не думал никогда, что у нас такие странные люди есть... Отказаться от жизни, чтоб кидать ядро дальше другого дурака или выше поднимать ногу на сцене?! Что-то я не пойму. Чего они из кожи лезут?.. Этот на себе микробов выращивает. Это ж надо гадость такую. Пожилой человек... Тот вообще залез в вулкан. Извергался оттуда с компанией таких же дружков?! Ну?.. Ей-богу. Как дети... Нет?..

Вроде приличная зарплата. Семья. Так сиди. Не скачи. Не дергайся... Конечно, кроме себя он никому вреда не принесет. Но пример дурной показывает... А тот дурачок на лодочке четыре месяца плавал один. Ну так ладно, он англичанин. С них не спросишь. С них, чтоб спросить, надо пролив Ламанческий переплывать... Но чтоб у нас такие дураки были, не ожидал... Еще хорошо, общественность не поддерживает. А то на лодке каждый бы... От жены. От детей...

На льдине сто дураков сидят, лед щупают, медведей пугают. Им еще туда зарплату сбрасывают, провиант и за снег доплачивают... Что, у нас снега мало?.. Несет их... Другой черепа раскопал, сидит в яме празднует... Дурака валяют в рабочее время. Собаке вторую голову пришили... Я думал – пацанва, а это пожилые люди балуются...

Она тридцать лет цветочки соединяла: фиалочку с тюльпанчиком. На государственные средства... Тьфу!.. Дура с пестиком!.. Я без цветов знаешь сколько живу!.. Я б тебе показал, куда деньги девать.

Счетные машины... А что считать?.. Руб сорок девять плюс руб сорок девять минус посуда.

Прибегает два раза в месяц: «Дай мне бешеные деньги, я микроба нашел...» Ох, я б тебе деньги показал бы!.. Ты бы у меня вагонетку толкал бы в одну сторону, а другой такой же в другую!..

Между нами говоря. Что мне от той Луны?.. Ни холодно, ни жарко. Ну светит – светит. Не светит – спичку зажгу... Чего я должен заглядывать, что у нее со спины. Что я, без этого не жил?.. Ну, между нами говоря!.. Что-то я тут не пойму... Что это за национальность людей такая?..

А если народ не понимает. Так и не рыпайся!.. Может, это все запретить и посадить их в карцера?.. А?.. Это можно попробовать, а если хорошо получится, то и держать... Потому что когда все понимают, что ты делаешь, когда самый дурной, тупой поймет, чем ты занимаешься в рабочее время, – занимайся... А если я к тебе забрел по пьянке проверить, что ты вытворяешь в государственный рабочий день. А ты мне что-то лопочешь: частицы, нейроны, мембраны. А я ни черта. Ни в какую. Ни за что. Хоть ты в меня стреляй!.. Тогда все... Тут тебя и брать надо. Тут тебе пятнадцать суток и как раз... Эх, я б наломал. Власти у меня мало...

Да не кричите вы!.. Лошадь тут стояла. Надо же убрать.

День, полный жизни

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Сидят двое – мрачные, с головной болью.

– А потом куда мы пошли?

– Домой.

– Ну пришли домой...

– Не сразу. Сначала зашли в мебельный магазин.

– Да?.. А чего? Я хотел купить чего... или чего?

– Чего купить. Вы там хотели раздеться и к ним в шкаф повесить.

– Ну?

– А они не давали.

– Ну?

– Ну, у них ваш зуб остался.

– Да... (*щупает*) ты смотри. А рукав где?

– В музее.

– Чего?

– А у них кровать стояла, царская, что ли, вы себе стелить начали.

– А чего это все синее?

– Они протокол составляли, а вы не давали.

– Ну и чего?

– Ну и чернила выпили.

- Ага... Ну спасибо, проясняется. (*Вынимает из кармана гирлянду лампочек и шариков.*) Наверное, на елку налетел.
- Да нет... Сейчас лето.
- Да?.. А то тут буквы какие-то. Чувствую, давит. (*Вынимает буквы ГАСТРО.*)
- Реклама, наверное. Вы с кем-то спорили, что вы альпинист.
- Какой я альпинист?
- Разве поймешь. Вы по-немецки говорили.
- По-немецки... И немцы меня понимали?
- Наверное... Они тоже русские, кроме того – выпимши.
- Да... А кто ты такой?
- Так Витя...
- Витя... Мы что, с тобой в школе учились?
- Не...
- А что, работаем вместе?
- Не... Мы только вчера познакомились.
- А?.. Ты Костя?
- Не – Витя.
- Ну ладно... Повеселились, на работу надо.
- Не надо. Вы уволились.
- Когда?
- Вчера... Вы ходили к директору домой...
- И ты ходил?
- Ну да... Я же вам денег одолжил.
- Много?

– Сорок рублей. Вы их своим друзьям отдали.

– Каким друзьям? Ты их запомнил?

– Не... На вокзале, они уезжали.

– А я что, их провожал?

– Я думал, они вас провожают. Вначале вы сели в вагон – они вас целовали, потом они сели – вы их целовали.

– А поезд куда ушел?

– Да быстро ушел...

– Ну ладно... Домой попробую. (*Встает, вынимает буквы НОМ.*)

– Чего вам дома делать? Вы жене сказали, что уходите к Зине.

– К какой Зине?

– Не знаю. Вон ваши вещи, я помог перенести с милиционером.

– С милиционером?

– Ну, у которого вы коляску оторвали.

– Он с ребенком был?

– С мотоциклом.

– Ну ладно, я пойду все-таки. Мне молоко надо было купить...

– Как же вы пойдете?

– Спасибо, что приютил. Сколько у тебя можно сидеть?

– Во-первых, вы не у меня сидите, а во-вторых, сколько дадут, столько и будете сидеть. Это уже от нас не зависит!

Не надо было

Когда-то казалось, что все по чуть-чуть.

Мы уже почти добились этого.

Интеллигенция еще сопротивлялась, но непосредственные производные и большая часть крестьянства были охвачены этим подъемом.

И все, как вы помните, с утра, поэтому сложная наша техника до сих пор страдает такой точностью.

Теперь участились случаи трезвой сборки, тогда выявились конструктивные недостатки.

А порой стало случаться, что и конструктивно ничего, тогда выявили некачественные элементы смежников.

А теперь случается, что и сборка трезвая, конструктивных недостатков нет и смежники ничего изготовили, и тут полезли недостатки организации.

А теперь все чаще сборка трезвая, и конструктивно хорошо, и смежники, и организация хороша – полезли огрехи всей системы жизни в стране.

Не надо было водку трогать.

Только приятное

Для Р. Карцева

Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте! Вы все чудесно выглядите. Какой здоровый цвет лица... Какие могучие плечи!.. Я рад, что у всех все хорошо... Я рад! Мне приятно!.. Когда все хорошо. Когда я ко всем хорошо. Когда все ко мне хорошо. Когда вокруг все чудесно...

Ой! А это чей это очаровательный ребенок?.. Ой, какая прелесть. А тю-тю! Агусеньки! А малышки! А рученьки! А ноженьки! А миленьки! Ну иди к дяде! Иди сейчас же к дяде! Сейчас же иди к дяде! Немедленно иди!..

Не хочешь? Ну отвали... А это кто это сшил костюм?.. Ты сшил костюм? Себе?.. Ему!.. Изумительный. Кто сказал, что плохо сидит?.. Врет он все, врет... Меня слушайте: как влитой, облитой, вылитый... Иди вдаль. Ой! Невозможно сидит! Невероятно лежит!.. Все! Не возвращайся! Доставь наслаждение – иди вдаль! Скройся! Ура... А это что? Стихи?.. Ну-ка, ну-ка... (*Слушает.*) Все! Хватит! Мне мало нужно. Две рифмы... У вас талант, женщина. Искра. Идите отсюда. Учитесь... Нет, не надо учиться. Пишите, и носите с собой, и читайте всем. Все не выдержат, все умрут.

Здорово! Цю! (*Целует.*) Радостно! Цю! (*Целует.*) Благостно! Цю! (*Целует.*) Мой любимый поэт!.. Здравствуй-

те, мой дорогой!.. Чудесно выглядите! Здоровяк! Могуч! Так и хочется хлопнуть по необъятному плечу. Хлоп... Э-э, вы что, падаете?.. После инфаркта... Цвет лица изумительный... Ну идите... Извините, пожалуйста, я вас не толкнул, когда обнимал?.. Простите...

Каждому приятное... У меня нет врагов... Только друзья... Весь мир за меня, и я за весь мир... Каждому, каждому, каждому – тысячу извинений! Здравствуйте, доброй ночи, с днем рождения. Как здоровье? С праздником!.. Вас также!.. Вас также!.. И вас, вон там, также!.. До свидания! Доброе утро! Долгие лета!..

Ой! Кого я вижу! Ой, какая прелесть! Ой, вы чудо! Ой, я потрясен! Доброй ночи! Здравствуйте! Привет всем! Ура... Вас также!.. И вам также... И вас, вон там, также!.. Ай... Ой!.. А это кто это идет? А это кто-то движется?! Здравствуйте, старик! Здравствуйте, приятель! Смотрел вчера твою работу... Гениально! Абсолютно! Непривычно! Смертельно! Буйно! Меня унесли... Я здесь с трудом!.. Прибегай, жду!..

А это кто идет!.. А это кто движется?!.. Моя прелесть, моя радость! Мое чудо!.. Что?.. Нет ни копейки... К сожалению... Последние семь копеек отдал на городское озеленение... Бегу! Ты здесь? Я прибегу... Ая-яй!.. Ой-ой-ой!.. Ха-ха-ха, хо-хо-хо... Мой хороший!.. Здравствуй, моя дорогая... Дай поцелую! Дай поцелую... А это кто это? Ребенок?.. Какой прелестный ребенок... И вы от меня скрывали?.. У

тю-тю... А тю-тю... Ой! Он улыбается... Ой, умница... Нет, не могу, к сожалению... Ни копейки, то есть ни минутки. Все на бегу... (*Вдруг сурово.*) Ага! Это ты, старик... Мы о тебе говорили. Скажу тебе откровенно. Ты, если без дураков, без трепотни, – гордость нашего машиностроения. Даже мирового. Я о тебе четыре часа говорил. Меня откачивали. Нельзя так долго говорить. Судороги начались. (*Смахивает слезу.*) Ты немыслимо талантлив. Иди! Я с тобой навсегда.

Доброй ночи! Здравствуйте! А вам – до свидания за вчера... А вам – чудесно выглядите за позавчера... Простите, я, кажется, стою к вам спиной. Ой, теперь к вам спиной!.. Ой, теперь к вам!.. (*Вертится.*) Теперь к вам!.. Как же стать, чтобы ни к кому спиной. Личиком ко всем, грудкою... Разрешите прижаться к стеночке... (*Развел руки, прижался, озирается со слезами.*) Ой, простите, толкнул вас... А, это стена. Это вы, стеночка? Спасибо. Простите...

Ой, сколько людей?.. Спасибо, простите... Извините... Здравствуйте... Вы гениальны! Вы чудесны!.. Вы прелесть!.. Вы очарование!.. Приятного аппетита, как провели ночь?.. (*Пауза.*) Чудесно... Почему вы молчите?.. Вы, кажется, хотите похудеть? Вы скелет... Почему вы на меня так смотрите?.. Не надо ненависти... У меня нет врагов... Я всю жизнь говорил только приятное... Каждому... Не идите на меня... Я опасаюсь... Не надо!.. Стойте там... Я вам сказал, что вы поэт... Вы поэт! Вы гений... Что? Вам шестьдесят. Вы поняли, что напрасно... Но вы поэт... Не трогайте меня! Мне

нечем дышать!.. Да. Я что-то чувствовал... Но я хотел вам приятное... Отпустите меня... А вы кто?.. Какой прелестный ребенок?.. Да, я повторял «прелестный ребенок», отпустите... Да, я понимал... Но хотел приятное вашим родителям... Фу! Такому зарезать ничего не стоит, хулиганье!.. А тебя я узнал. Ты гордость машиностроения. Ты изобретаешь всю жизнь. Таланта у тебя нет... Я понял... Ну и работай спокойно. Люби жену, радуйся... Не добивай эту проклятую диссертацию... Уже поздно?.. Но ты веришь, что я хотел тебе добра... Ты веришь?!

Честное слово! Честное слово!.. Я всех любил. Меня все любили. И я такой молодой, красивый, сильный... (*Шепчет.*)
Здравствуйте... с днем рождения... приятного аппетита... вас также... вас также... и вас также... И вас также!.. И вас, вон там, также!.. Тьфу! Благодарность человеческая... Ненавижу!

Молчание вслух

Мальчик, подожди, я тебе что-то скажу. Понимаешь, мальчик, мне как-то нехорошо на работе и дома. Слышишь, мальчик, они, оказывается, не желают меня видеть. Они говорят, что я очень молчалив. Мальчик, ты слышишь... Почему же я прослыл молчаливым... А потому, что я молчу... А вот почему я молчу... Как я острил раньше... Думаю, вот скоро заострю опять... Не начинаю... Как они умеют веселиться. Их веселит все. Кто-то обгоняет их на лодке. Они кого-то обгоняют: «Эй вы, ренегаты, куда повернули? Давай с нами. Ха-ха-ха-ха! Куда он гребет, там мелко, ха-ха-ха. Ничего там нет. Ха-ха-ха-ха! Ой! Танька с Манькой перевернулись! Ой! Ха-ха-ха! Ай! Ха-ха-ха-ха!»

Да, Господи, хорошо же им. Это мне плохо. Это мне несмешно. Молчалив я, крошка... Шутить как-то уже... Все старые, все шутят. Все острят, Господи... И еще с женой у меня как-то глупо... прости, ты не спешишь?.. Я хочу, чтобы она что-то делала, добивалась, умела. А когда она добивается и умеет, как я хочу, мне обидно и я очень раздражаюсь. Мужское какое-то самолюбие... Когда-то ко мне на свидание приезжала девушка в «Волге», за рулем. Это было красиво, а я не мог этого перенести...

Ты знаешь, с товарищем близким моим мы поссорились. Он считает, что я его предаю, я не сдерживаю своих слов...

Да, не сдерживаю... Плохо это, правда?.. Ну и что, если я это мог объяснить. Это плохо... но... Пойми меня... Знаешь, какие слова я не сдерживаю... Вот эти по времени... В общем, я непунктуален. Я почему-то вбил себе в голову, что знаю, когда мне быть точным, а когда нет... И еще не держу слов. Почему... Понимаешь, мальчик, я не умею отказывать. Мне бы сразу сказать «нет», и я бы это слово сдержал. А не могу, глядя в глаза, отказать, думаю: «А вдруг, а попробую, а если я попрошу этого». И говорю: «Позвоните, я попробую».

Как хочется разойтись с хорошим впечатлением друг о друге. Это очень недальновидно. Обязательность, точность – это жестокость. Это понимание своей важной роли или какой-то роли. Правильно?.. Нет. А более жалкой личности, чем я, я не видел.

Знаешь, когда я становлюсь смелым? Когда много людей. Я думаю, это не смелость. Это тщеславие. Или мышление раскованное. Многие молчат. Я могу ляпнуть. Я уже не знаю: «раскованное» два «н» или одно? Ужас. Я был отличником. А ты?.. Ты еще не ходишь в школу...

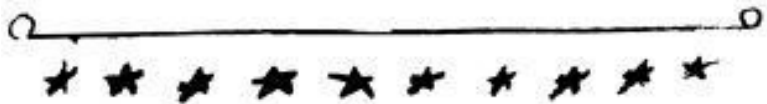
Я бы с тобой, конечно, о женщинах поговорил... Нет, нет, это не больная тема. Просто... Когда мало красоты в жизни, они выходят на первый план. Они начинают занимать огромное место в жизни мужчины из-за нехватки красоты... Вот этой красоты, знаешь какой, деревянной, зеленой, каменной. Красоты того времени, когда все было индивидуально и красиво. Деревянная ложка, резной дом, церковь, ступенька, го-

товальня. Нельзя же жить в одинаковых домах, лежать на одинаковых диванах, есть одинаковую пищу, читать одинаковые книги и ничего при этом не потерять. Дети и собаки не могут восполнить этот пробел, и у мужчины появляется много женщин. Или водка. Что, кстати, одно и то же. Они приходят вместе...

Я многословен, правда, это потому, что ты молчалив. На работе я молчалив. Конечно, я там молчалив, когда через две минуты любая моя жалкая мысль становится ему известна... Так вот о женщинах. Ну, маленькие – с ними не о чем говорить, а большие – они старые. То есть знаешь что, старость, наверное, стирает эти чудесные различия между ними и нами... Правильно?.. Нет... Внутренние остаются...

Вот так, знаешь, я говорю, я не могу прийти к какому-то выводу, я не могу прийти к какому-то взгляду, быть цельной сталистой личностью. Казались правы те, которых нет. Сейчас кажутся правы те, кто есть. Я не могу сказать, где хорошо, где плохо. Я не могу подтвердить вечную пословицу «Хорошо там, где нас нет». Я могу только очень ограниченно: в это время, в этом месте, на этот период. Вот тебе и взгляды. Ну что ты, что ты... Беги, конечно... Извини, я просто по-человечески. Тебе уже года четыре есть?.. Беги... И я тронусь, пожалуй... Ждут уже... Эти...

Что делать человеку, который не делает зарядку. Который сонно сидит перед зеркалом не в силах собрать мышцы в пресловутое лицо.

Не в силах собрать мысли в форму головы.

Так и тянет лечь.

И поручить дивану!..

Пусть диван создает форму.

А я не вижу смысла ни в чем. Вот беда. И случилось это со мной как-то после обеда и тянется до сих пор. Любовь проходит. Жизнь проходит. Борьба становится времяпрепровождением. Квартира – местом для этого. Болезни поддаются лечению, но сменяют друг друга. А самолюбие вообще ни

к чему. Как и ум, крупно осложняющий нашу и без того сложную, рассчитанную на простое восприятие жизнь. Есть смысл, допустим, лечить чужие болезни, но в том случае, если он не умрет. Есть смысл сытно поесть. Ненадолго. Внимательно посмотреть, но вглубь, и изменить не ей, а что-то. А если все, что ты делаешь, приводит к смерти, а ты еще спешишь... Поневоле задумаешься, есть ли смысл. Но если ничего не делать, тогда и смысла никакого нет.

Может быть, кому-то и приятней жить в мире, где от тебя ничего не зависит, а ты зависишь от всех?!

Переход от девушки к женщине, от телятины к говядине.

Сколько натерпишься обвинений в хамстве, прежде чем узнают, что ты глухонемой.

Интересная штука возраст.

Так. Мне недалеко. Это в пятидесяти метрах отсюда. Валокордин я взял, пирамидон при мне, вата есть. Тампоны здесь. Бинты в кармане. Жгут кровоостанавливающий. Бриллиантовая зелень. Бальзам Шостаковского. Вазелин. Группа крови. Справка о группе крови... Резус-фактор. Езус, Мария... Да... Клизму...

Хочу быть физиком

Через открытые окна летит информация и оседает на лице морщинами. Приемник переполнен. Станции лезут друг на друга. А я один... Хочу быть ученым. Тишина. Лаборатория. Каталоги. Мы все думаем. Или спорим до хрипоты. Физику нужно двигать вперед, поэтому мы спорим. И уважаем того, кто против, и любим того, кто против. Нам нужен Эренфест, который стал великим, потому что был против... Хочу быть ученым. Придумал экран, дал звук. А кто должен разнообразить изображение?.. Ах, это не твое дело. Опять не думаешь о последствиях! Хочу быть ученым... Хочу жить в отдельном городке с такими же учеными. Хочу непонятное говорить. Хочу сквозь очки иметь задумчивый взгляд, сидеть без пиджака с такими же задумчивыми умницами в закатанных рукавах. Хочу рассчитывать траекторию, прикидывать что-то на доске, чертить что-то палочкой на песке и не замечать, как палит солнце в дивном бору. Господи, хочу иметь начальником ученого, крупного, очень крупного и уже поэтому умного. Хоть у него все в прошлом, а у нас наоборот. Хочу иметь руководителя, с которым можно валяться на песке, или ездить рядом на велосипеде, или спорить до той хрипоты, до которой спорят только физики. В других областях все ясно.

Хочу острить на ученом совете. Хочу туманно смотреть

окрест. Хочу быть рассеянным в магазине и не знать, какой мне, потому что я милый чудак и ничего в этом не понимаю. Я всегда понимаю, что я делаю, но иногда не понимаю, куда это идет. Пусть мое изобретение шумит и воеет. Я уж не знаю для чего, главное, чтоб было хорошо. Пусть я, задумчивый и грустный, придумываю резиновые палки, уж не знаю для чего – значит, нужны... Ладно – пусть я атом в мирных целях, пусть я сложные колебания криволинейной поверхности в упругой среде, пусть я двигатель «Киви» для ядерной мирной ракеты. Она будет летать, и мы втиснем страшное количество приборов в спускаемый отсек... Я хочу быть уверенным, начиная задачу, что мы эту задачу решим. Ну а если не решим, тоже ничего страшного. Значит, мы не решили эту задачу в своем прохладном городке. Я тоже хочу говорить в интервью о Брэдбери и не припомнить ни одной нашей пьесы... Просто редко хожу – нет времени: втискиваю страшное количество приборов в спускаемый отсек, и изящно решаю, и острою на ученом совете, и еще копаюсь немножко в саду...

Любимый мой, как тебе повезло с бомбой... Я тоже хочу после бомбы получить все. Я хочу быть самым завидным женихом. Тридцати двух лет. Теоретик. Доктор наук. Я тоже хочу спрашивать у своих сверстников, сдуру пошедших в другое более легкое и понятное всем... Почему вы такие грустные, опять что-то не так?.. Отстаеете от дня... Конечно, мой милый, если все идут впереди, должен же кто-то отставать, иначе не будет ни зада, ни переда. Ну это уже не значит

лучше... В единицу времени, в пространстве пси на игрек, на эпсилон, корень квадратный из ку, помноженный на десять в минус восьмой степени, принимаемый за константу. Физики шутят непрофессионально. Я не пожалею времени, я стану физиком, я стану шутить, пусть меня тоже напечатают. Я хочу придумывать, я хочу спорить, я хочу быть ученым, я хочу поменять свой широкий профиль на узкий уважаемый...

Ну хорошо, пусть физиком будет моя жена!

Физкультурно одаренный

Для Л. Полищук

Ну что?!. Кому здесь дать по роже?.. Вон тому, что ли?.. Или этому?.. Интеллигенция. Доктора наук. Ты мне мускулы покажи. Бицепс у тебя играет?.. Нет?.. Фу!.. Ха!.. Хо!.. Гантельки с утра. Днем эспандерчик. В сумерках плечевой пояс разрабатываю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.